ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

№1 (1)

2018

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

электронный научный журнал

№1 (1)

Москва, 2018

УДК 81’23(050) ISSN 2619-0273
ББК 87.228.1
О-64

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс] : электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 1 (1). – Электрон, текстовые дан. (3,3 MB). – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области психолингвистики и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области психолингвистики и психологии, преподавателей, аспирантов и студентов.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(925)46-555-81
e-mail: orgpsyling@sh-technology.ru
http://www.sh-technology.ru

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).
Архив номеров доступен
http://www.sh-technology.ru

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

© Агентство социально-гуманитарных технологий, 2018
© Авторы, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН РФ (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), член президиума Российского союза германистов (РСГ), директор центра лингводидактики, языкового тестирования и содействия миграционной политике Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Россия, Канада)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, член Российской психолингвистической ассоциации (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН РФ (Россия)

Гребенщиков Юрий Юрьевич, магистр филологии, преподаватель Московского городского педагогического университета (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской

литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Бахтикиреева Улданай Максутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (Россия)

Бойко Борис Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Вашунина Ирина Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (город Чини, США)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Республика Беларусь)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Института дополнительного профессионального образования ДТиСЗН г. Москвы (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик

Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельско-хозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль, Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Шляхов Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора..... 8

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Тарасов Е.Ф. К построению теории организационной психолингвистики..... 11

Мыскин С.В. Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов..... 21

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

Рябова М.Э. Языковая личность блогера в современной коммуникации..... 39

Журавлев И.В. Мифологические аспекты профессионального общения..... 54

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Романов А.А., Романова Л.А. Функционально-семантическое представление как регулятивный конструкт ментальной репрезентации туннельной локализации языкового знака..... 72

Об авторах..... 96

Анонсы..... 97

Информация для авторов..... 99

CONTENTS

Introduction..... 8

CONCEPTUAL ISSUES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Tarasov E. To the Construction of a Theory of Organizational Psycholinguistics..... 11

Myskin S. Organizational-psychological Analysis of Professional Consciousness of the Workers in Modern Labor Collectives..... 21

EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

Ryabova M. Blogger's Lingual Identity in Modern Network Communication..... 39

Zhuravlev I. Mythological Aspects of Professional Communication 54

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Romanov A., Romanova L. Functional-semantic Representation as The Regulative Construction of Mental Representation of Tunnel Localization of Language Sign 72

About Authors..... 96

Announcements..... 97

Information for Authors..... 99

От редактора

Развитие института коммуникации в современном российском обществе повышает значимость науки о языке практически для всех сфер человеческой деятельности. Политика, менеджмент, строительство, образование и многое другое сегодня сложно представить без использования инновационных коммуникационных технологий. Эффективное общение становится ведущим критерием высокого качества работы. Нетрудно в этих процессах уловить соответствие движения общества одному из основных диалектических принципов – человек развивается в деятельности и в общении. Колоссальный научно-технический прогресс делает социальную жизнь людей высокотехнологичной, в которой взаимодействие тем эффективнее, чем совершеннее общение. Можно с уверенностью утверждать, что инновационные вызовы общества ставят перед отечественной лингвистикой задачи разработки прорывных научных технологий в сфере общения.

Наиболее непроработанной проблемой лингвистики является скудость базы ее прикладных исследований в сфере менеджмента. За пределами научного анализа остаются, например, такие феномены, как речевое поведение в организации, профессиональная речевая деятельность, корпоративное сознание, речевое воздействие в профессиональной сфере и др. Причем теоретический аппарат смежных наук (психологии, менеджмента) не позволяет полноценно раскрыть проблематику данных явлений. Отчужденность науки о языке от управленческой науки особенно явно проявляется в свете социального заказа на развитие системы управления среднего и малого бизнеса, что, в целом, выводит на первый план задачу определения фундаментальных связей прикладной лингвистики и менеджмента.

В зарубежной научной практике раскрытие междисциплинарных связей лингвистики и теории организаций реализуется в рамках организационной лингвистики, концентрирующейся на исследовании языковых аспектов организационной культуры. Идею обусловленности организационной культуры языковым и неязыковым сознанием с успехом развивают в отечественной психолингвистической школе в рамках теории речевой деятельности. Однако теоретический инструментарий

организационной психологии, на основе которого и развиваются идеи организационной лингвистики, гораздо шире понятия, содержанием которого выступает история становления и «жизни» организации, а также способы ее трансляции.

Организационная психолингвистика как новая междисциплинарная предметная область должна рассматриваться как часть организационной психологии, и при построении своей методологии учитывать теоретический и эмпирический аппарат данного научного направления. В свою очередь, организационная психолингвистика развивает психолингвистический подход применительно к анализу организационной реальности. Общение есть процесс, организующий совместную деятельность – именно этого тезиса следует придерживаться при исследовании психологических феноменов, являющихся результатом речевого поведения и деятельности человека в организации.

Концептуально можно утверждать, что организационная психолингвистика – это спецификация теории речевого общения применительно к малым профессиональным группам, трудовым коллективам, организациям. В качестве объекта выступает общение в организациях, трудовых коллективах и профессиональных группах. Предмет организационной психолингвистики есть влияние профессиональной деятельности людей на их общение в организациях, трудовых коллективах и профессиональных группах.

К основным проблемам, поднимаемым организационной психолингвистикой, относятся:

а) исследование междисциплинарных связей психолингвистики и теории организаций;

б) изучение психологии речевого и неречевого поведения работника в организациях;

в) исследование коллективного субъекта профессиональной речевой деятельности;

г) психолингвистика коммуникации в организациях;

д) разработка психолингвистического инструментария анализа организационной культуры;

е) определение и типизация языковой профессиональной личности;

ж) исследование языкового и неязыкового сознания современного работника организации.

В заключение следует отметить, что становление организационной психолингвистики позволит существенно расширить объект лингвистики, а также обеспечит междисциплинарное развитие методологии менеджмента, психологии и психолингвистики.

Главный редактор,
Мыскин Сергей Владимирович
доктор филологических наук,
кандидат психологических наук

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ / CONCEPTUAL ISSUES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Е.Ф. Тарасов
доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом психолингвистики
Институт языкознания РАН
125 009, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1
Г. Москва, Россия
E-mail: eft@mail.ru

К ПОСТРОЕНИЮ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Статья содержит попытку рассмотрения методологических оснований построения теории организационной психолингвистики (ТОПЛ), которая может быть построена с опорой на общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева и теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева. ТОПЛ мыслится как теория, объясняющая речевое общение в профессиональных коллективах, где коммуниканты обладают сходным уровнем профессиональной компетенции, интенсивно используют гипертексты, состоящие из актуально воспринимаемого текста и претекста, существующего только в памяти реципиента, и фиксирующего производственные инструкции, правила, приказы и т.п. Теория деятельности А.Н. Леонтьева определяет онтологический статус профессиональной совместной деятельности. Онтология взаимодействия профессионалов – это совместная профессиональная совместная деятельность (ПСД), т.е. пространственно-временная структура реальности имеет форму ПСД. При построении ТОПЛ целесообразно с опорой на образ мира А.Н. Леонтьева сформировать представление о профессиональном образе мира, описывающем облигаторные знания работников, сотрудничающих в определенной профессиональной сфере. ПСД обладает спецификой: цели и мотивы ПСД относительно устойчивы, профессиональные технологии стабильны, речевое общение опирается, как правило, на специальные прецедентные тексты (правила, предписания, инструкции), речевые действия участников ПСД включают в себя профессиональные речевые терминологические системы.

Можно полагать, что описанная методология позволяет формировать ТОПЛ.

Ключевые слова: организационная психолингвистики, совместная деятельность, профессиональные коллективы, профессиональный образ мира.

E. Tarasov

TO THE CONSTRUCTION OF A THEORY OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

The article presents an attempt to clarify the methodological grounds for the formation of a theory of organizational psycholinguistics (TOPL), based on A.N Leontiev's general psychological activity theory and A.A. Leontiev's theory of speech activity. TOPL explains verbal communication in professional collectives, where interlocutors possess a similar level of professional competence and intensively use hypertexts containing actual texts and pretexts, which are kept only in a recipient's mind, fixing working instructions, directions, orders etc. The ontology of interaction of professionals (determined by A.N Leontiev's activity theory) is a professional cooperative activity per se, i.e. the temporal and spatial structure of reality takes the form of PCA.

TOPL forms the professional worldview, describing the obligatory knowledge of employees cooperating in a certain professional sphere. PCA has specific features: the objectives and motivations of the PSA are relatively stable, as well as professional technologies, speech communication is usually based on special precedent texts (rules, regulations, instructions), and speech actions of PCA participants include professional terminology systems. It can be assumed that the described methodology makes it possible to form a TOPL.

Keywords: organizational psycholinguistics, cooperative activity, professional collectives, professional worldview.

Возникновение теории организационной психолингвистики (ТОПЛ) стимулировано необходимостью исследования совместной деятельности в производственных профессиональных коллективах, которая с необходимостью включает в себя общение, сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками.

В связи с этим может возникнуть вопрос о необходимости создания специальной теории организационной психолингвистики при наличии теории речевой деятельности А.А. Леонтьева (ТРД), которая удовлетворительно объясняет методологически и теоретически производство и восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение.

ТРД в качестве объяснительной теории вскрывает общие закономерности речевых процессов, что позволяет решать прикладные задачи, например, проблемы обучения речи родной и иностранной, билингвизма, воздейственной речи (пропаганда, реклама и т.п.), диагностика эмоционального состояния человека по его речи и т.п. Представляется, что при наличии ТРД может быть построена ТОПЛ как теория, объясняющая специфику знакового общения в профессиональных коллективах, которую можно усмотреть в том, что в общении используется определенный профессиональный язык, коммуниканты обладают сходным уровнем профессиональной компетенции, интенсивным использованием гипертекстов, при помощи которых транслируются тексты, опирающиеся на множество претекстов, фиксирующих различные производственные инструкции, предписания, правила, приказы и т.п.

В качестве методологического основания ТОПЛ может опираться на общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева и ТРД А.А. Леонтьева, которые образуют базу предметной области и определяют ее онтологический статус. Деятельностный онтологический статус теории состоит в том, что мир представлен как объект деятельности человека, воздействующего на этот объект при помощи предмета-орудия для удовлетворения своих потребностей и руководствующегося в своих действиях образом продукта, в который превращается объект под воздействием человека [1; 3; 4; 5].

Предметная область ТОПЛ состоит из теоретической модели совместной деятельности (СД) профессиональных сотрудников, воздействующих на общий для них предмет-объект и друг на друга при организации общения. При этом их взаимодействие состоит из ряда действий, часть которых коммуниканты направляют друг на друга, а часть

скоординированных действий на общий предмет-объект. СД профессиональных сотрудников побуждается общим мотивом (целью).

Хотя ТОПЛ имеет своей целью анализ речевой активности членов профессиональной СД, она вводит в свою предметную область всю инфраструктуру СД, включая коммуникантов, т.к. она свою задачу определяет как установление зависимости речевой деятельности сотрудников определенной профессиональной области от системы неречевых действий, физически членящих действия речевые, и от мотива СД, обуславливающего *смысл* речевых и неречевых действий.

Объектная область ТОПЛ – это идеализированная теоретическая модель, отображающая существенные связи единиц реальных актов СД сотрудников в профессиональной сфере.

В соответствии с современными взглядами на построение теории эта теоретическая модель должна быть программой исследования, приводящего к построению теории.

Деятельностная теоретическая модель СД в профессиональной сфере задает исходную систему понятий и определяет содержание исходных посылок и допущений.

Каковы эти исходные посылки и допущения.

Онтология взаимодействия профессионалов – это совместная профессиональная деятельность (СПД), т.е. пространственно-временная структура реальности имеет форму СПД. Необходимость осуществлять СПД неизбежно требует актуализации функции контроля результатов (продуктов) СПД.

Обладание знаниями характеристик продуктов СПД, которые (характеристики) контролируются ролевыми профессиональными предписаниями, требует определенного уровня профессиональной компетенции, что, в свою очередь, предполагает наличие обязательных прецедентных текстов, описывающих качества как продуктов, так и уровень профессиональной компетенции.

Забегая несколько вперед, и опираясь на предварительные наблюдения, можно утверждать, что вероятно, самая характерная черта СД в профессиональных группах – это обязательное использование прецедентных текстов – служебных инструкций и предписаний,

формирующих предварительно общность профессиональных знаний, необходимых для сотрудничества.

Целесообразно различать этническое сознание, для которого А.Н. Леонтьев предложил понятие образа мира – амодальные знания о культурных предметах и способах их изготовления (или пользования ими), присвоенные в процессе проживания среди носителей определенной этнической культуры – и знания, умения и навыки профессиональные, сформированные при освоении определенной профессии.

Общность непрофессиональных знаний создает предпосылки знакового общения, в том числе и при помощи языковых знаков со всеми носителями этнического языка, а профессиональные знания, умения навыки обеспечивают общение и СД в профессиональных общественных структурах.

Если мы тезис об общности знаний применим к СПД, то напрашивается вывод, что без такой общности невозможны ни знаковое общение в СПД, ни использование орудий труда, предполагающее знание их функций, ни владение производственными технологиями (операциями), требующими совместных действий, ни использование продукта в ходе совместных действий.

Вернемся к понятию образа мира А.Н. Леонтьева и попытаемся обсудить познавательные выгоды, которые приобретаются при использовании этого понятия.

Понятием «образ мира» А.Н. Леонтьев постулировал наличие общности сознаний у людей, присвоивших идентичную этническую культуру в ходе простого проживания в одном и том же социуме. Любой член этноса может выжить в конкретном природном ландшафте, только пользуясь культурными предметами, удовлетворяющими потребностям членов этноса, только обрабатывая природные объекты для превращения их в продукты способами (операциями), выработанными в этом этносе. Иначе говоря, члены конкретного социума формируют общность знаний уже даже только в результате бытования в этом социуме.

Профессиональный образ мира может быть понят как фрагмент (аспект) этнического образа мира, формируемый в профессиональном

обучении, когда член социума приобретает профессиональную компетенцию.

Прежде чем мы обратимся к более глубокому анализу понятия «образ мира», необходимому нам в связи с тезисом об общности сознаний как непременной предпосылке знакового общения, следует отрефлексировать знание о том, что этот тезис, по крайней мере, двуаспектен.

С одной стороны, общность сознаний мыслится как обязательное и необходимое условие СД, а с другой стороны, неизбежно встает вопрос о возникновении общности знаний, понимаемой как следствие деятельностного присвоения предметной и деятельностной форм культуры, мыслимой как внешняя форма сознания, ментальная форма которого конструируется а) при восприятии (обслуживающем предметную деятельность); б) при изготовлении *культурных предметов* по правилам своей культуры. СД можно рассматривать как инструмент формирования сознания, начиная с раннего детского возраста, когда ребенок станет способен к сотрудничеству со взрослым и начнет интериоризировать плоды этого сотрудничества.

Таким образом, можно исходить из представления, что, хотя коммуниканты, побуждаемые необходимостью организовать СД, создают общность сознаний для осуществления этой конкретной СД, они опираются на уже имеющуюся общность сознаний, сформированную в ходе инкультурации, когда была присвоена родная этническая культура. Отвлекаясь от механизма «присвоения культуры», для описания которого Л.С. Выготский, как известно, предложил понятие интериоризации, обратимся к анализу тезиса об этнической культуре как предметной форме этнического сознания, обеспечивающей общность сознаний всех тех членов этноса, которые присвоили эту конкретную форму этнической культуры.

Сознание человека формируется в ходе деятельности, осуществляемой человеком, у которого есть тело, снабженное сенсорными органами, иначе говоря, для формирования сознания, человек должен развертывать предметную (направленную на предметы) деятельность, для осуществления которой ему при помощи сенсорных органов своего

тела, необходимо формировать образы, обрабатываемых предметов для управления этой деятельностью.

Кроме того, предметность сознания, мышления, по А.Н. Леонтьеву, понимается как психическая активность человека, направленная на предметы внешнего мира, лежащие за пределами сознания, в реальной действительности [3, с. 91-104]. Реальная действительность в предметной и деятельностной форме, являясь субстанцией сознания, может служить средством анализа образов сознания, отображающих эту действительность. Эту мысль о возможности анализа сознания людей при помощи анализа их этнической культуры, отображенной в их сознании, хорошо выразили В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили в своей статье «Проблема объективного метода в психологии». Они пишут: «К мысли о том, что субъективность есть реальность, независимая от познания ее, от того, где, когда и кем она познается, приводят и опыт истории культуры, наблюдения крупных эпох истории человеческого сознания. Например, уже экскурсы психоанализа Фрейда в древние мифологические системы культуры показывали, что тысячелетиями существовавшая картина предметов и существ воображаемой реальности, ритуально инсценируемых на человеческом материале и поведении, может быть переведена анализом в термины метапсихологии. Точнее она может быть переведена в термины знания механизмов воспроизводства и регуляции сознательной жизни, опосредуемого в данном случае принудительным для человека действием особых, чувственно-сверхчувственных, как назвал бы их Маркс, предметов. А отсюда и возможность рассматривать последние, наоборот, как объективированную проекцию первых, как вынесенные в реальность перевоплощения их практического функционирования. Это, так сказать, психология без единения в единстве «я», в персонифицированном агенте действий и состояний» [2, с.115].

Таким образом, внешний по отношению к субъекту деятельности мир, представляет собой экстрацеребральную форму сознания, детерминирующую при ее восприятии внутреннюю, образную форму сознания и, следовательно, внешний предметный деятельностно освоенный мир, ставший причиной порождения образов сознания, является инструментом анализа сознания.

Рассматривая понятие «образ мира» А.Н. Леонтьева, заметим, что это понятие в общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева играет ту же роль, что и понятие «картина мира» в философии, которая, по мнению В.С. Степина, является теоретической моделью исследуемой реальности.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что в теории деятельности А.Н. Леонтьева понятие «образ мира» задает особый тип реальности. Онтологический статус деятельности, задаваемый деятельностным подходом, обусловлен тем, что деятельность в качестве деятельностного объяснительного принципа обосновывает возможность трактовки человеческого сознания как целиком обусловленного характером человеческой СД.

Итак, образ мира А.Н. Леонтьева – это модель познанной и познаваемой реальности.

По А.Н. Леонтьеву, образ мира – это совокупность амодальных образов предметов и явлений конкретной этнической культуры, хранящихся в сознании членов этноса. Амодальные образы – это образы предметов и явлений, которые суть определенные контаминации множества модальных образов этих предметов и явлений. В амодальных образах признаки отдельных модальностей оказались снятыми в пользу обобщенных знаний о субстанции, технологии изготовления (или потребления) и о знаковых свойствах культурных предметов, если эти предметы вовлечены, а они всегда вовлечены, в социальные отношения членов социума.

Если эти обобщенные знания конструируются личностью только благодаря тому, что он проживает в конкретном этносе, то профессиональные знания, умения и навыки формируются чаще всего в ходе инструктивного профессионального обучения. По аналогии с образом мира А.Н. Леонтьева можно назвать *профессиональным образом мира* совокупность амодальных образов культурных предметов, изготавливаемых в конкретной профессиональной СД.

Предварительный анализ ПСД позволяет усмотреть в ней следующую специфику:

- цели и мотивы ПСД относительно устойчивы и транслируются в рамках конкретной ПСД;
- производственные условия и зависящие от них профессиональные технологии в ПСД стабильны, а на опасных производствах иногда суперстабильны;
- речевые действия при организации общения и ПСД совершаются при опоре на различные, иногда на облигаторные прецедентные тексты (правила, предписания, приказы, уставы и т.п.);
- активность сотрудников в ПСД – это СД, состоящая из речевых и неречевых действий, направленных на свои цели;
- побудитель сотрудников в ПСД – это мотив (цель) СД, приводящей к удовлетворению некоторой потребности;
- сотрудники ПСД используют предметы-орудия и предметы-знаки, следовательно, они обладают общностью культурных знаний, сформированной в ходе профессионального обучения;
- этические ограничения осуществления ПСД социально санкционированы;
- речевые действия сотрудников в ПСД развертываются с опорой на устойчивый понятийный аппарат, что предполагает наличие определенной терминологической системы в речевых действиях;
- отношения сотрудников в ПСД закреплены в профессиональных ролевых предписаниях.

Краткий анализ методологических основ ТОПЛ, проведенный в нашей статье, позволяет надеяться на возможность успешного построения теории организационной психолингвистики.

Литература

1. *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. 432 с.

2. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С.109–125.

3. *Леонтьев А.*Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

4. *Швырев В.*С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. 232 с.

5. *Юдин Э.*Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. 392 с.

References

1. Batishchev G.S. Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskij princip [Activity essence of the person as philosophical principle] // Problema cheloveka v sovremennoj filosofii [Problem of the person in modern philosophy]. M.: Nauka, 1969. 432 s.

2. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob"ektivnogo metoda v psihologii [Problem of an objective method in psychology] // Voprosy filosofii [Philosophy questions]. 1977. № 7. S.109–125.

3. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Kniga, 2012. 176 s.

4. Shvyrev V.S. Nauchnoe poznanie kak deyatel'nost' [Science cognition as activity]. M.: Politizdat, 1984. 232 s.

5. Yudin E.G. Sistemnyj podhod I princip deyatel'nosti [System approach and principle of activity0. M.: Nauka, 1978. 392 s.

С.В. Мыскин,
доктор филологических наук,
кандидат психологических наук,
профессор ГАОУ ВО МГПУ,
129 226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4
e-mail: myskinsv@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Статья посвящена анализу психологических и других факторов, обусловливающих эффективность поведения работников в трудовых коллективах и организациях. Автор акцентирует внимание на развитии в современном менеджменте подхода по формированию самомотивации работника при реализации профессиональной деятельности. Основным способом при этом выступает формирование специфического профессионального сознания члена трудового коллектива. В качестве методологической основы организационно-психологического анализа профессионального сознания предлагается общепсихологическая теория деятельности. Основными категориями анализа выступают деятельность и общение. Предложена модель анализа профессионального сознания, на основании которой описаны его типы. Выделенные типы профессионального сознания соотнесены с психологическими типами работников.

Ключевые слова: профессиональное сознание, деятельность, общение, организационное поведение, организационная психология, типы профессионального сознания, трансформация сознания.

S. Myskin

ORGANIZATIONAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF THE WORKERS IN MODERN LABOR COLLECTIVES

The article is devoted to the analysis of psychological and other factors that determine the effectiveness of workers' behavior in labor collectives and

organizations. The author focuses on the problem of modern management approach to the employee's self-motivation development in the fulfillment of his professional activities. The main method is the formation of a specific professional consciousness of a working community member. The General psychological theory of activity is offered as a methodological basis of organizational and psychological analysis of professional consciousness. The main categories of analysis are activity and communication as a type of activity. The model of the analysis of professional consciousness, which serves as a basis to describe consciousness' types, is offered. Correlation is conducted between the selected types of professional consciousness and psychological types of employees.

Keywords: professional consciousness, activity, communication, organizational behavior, organizational psychology, types of professional consciousness, transformation of consciousness.

Качественное развитие современной трудовой деятельности сопряжено с усложнением условий, в которых она разворачивается. Тотальное внедрение интернет-технологий и отказ от традиционных форм профессиональной коммуникации, вытеснение человеческого труда роботизированными производственными процессами, информационная перенасыщенность среды и сопутствующие этому перегрузки, оптимизация государственного сектора и увеличение конкуренции на рынке труда, а также агрессивные макро-политические факторы совокупно создают фон повышенной эмоциональной нестабильности для социально-экономической активности организаций, трудовых коллективов, отдельных работников. Превалирование негативных тенденций в общей динамике отечественной сферы труда обусловливает нивелирование рациональных, и одновременный рост эмоциональных оснований формирования, а также трансформации профессионального сознания работников. Отмечаются сдвиги смыслов профессиональной картины мира, что приводит к смене иерархии мотивов труда и, как следствие, появлению деструктивных форм организационного поведения. Так, например, российский экономист и философ А.И. Кочеткова фиксирует феномен имитационной деятельности, или деятельности дилетантизма персонала организаций вследствие негативной

трансформации представлений практических работников о современной трудовой деятельности [8, с. 197]. Неспособность рационально переработать новое содержание труда порождает у таких специалистов поверхностный подход к профессиональной деятельности, развитие примитивизма профессионального мышления и трудового поведения. Автор отмечает: «Имитационная деятельность>...<порождает необоснованные амбиции, подстёгивает развитие гипертрофированного самомнения и безответственности; трансформирует ценности и интеллект в их заменители, хорошо знакомые нам по практике прошлых лет; приводит к фальсификации результатов деятельности и безнравственности как работника, так и руководителя, допустившего такую деятельность; способствует разложению коллектива и возникновению иждивенческих настроений» [Там же, с. 198]. Как видно, иррациональные изменения профессионального сознания коренным образом деформируют общую психологическую картину персонала организаций, и снижают эффективность труда.

Другим, не менее важным, основанием роста научного интереса к проблеме профессионального сознания в организациях выступает поиск и нахождение эффективных форм и способов самоуправления работников. Содержание управленческой деятельности меняется под воздействием волатильности среды. Управление персоналом организации в так называемом «ручном режиме», постоянное принятие решений и контроль над их выполнением не дают должного управленческого эффекта, непременно приводят к эмоциональному и профессиональному выгоранию, психологической некомпетентности. Практика делегирования полномочий даёт свои результаты, но не решает проблему в целом. Современный подходы к управлению опираются на когнитивные технологии, при которых работник осознанно принимает на себя функции самоуправления, например, «косвенный управляющий» [9, с. 14]. Поскольку «косвенный управляющий» представлен сводом правил, концептов, нормативов и т.п., то есть речевыми произведениями (текстами), то в этом аспекте целесообразно исследовать профессиональное языковое сознание работников [16]. В связи с этим можно отметить изменение общего исследовательского тренда от

управления поведением работника посредством внешнего стимулирования (бихевиористский подход) в сторону развития форм самомотивирования работника через формирование его специфического профессионального сознания.

Данные формулировки возводят в ранг актуальных выявление и анализ таких особенностей функционирования профессионального сознания в трудовых коллективах и организациях, которые бы обусловливали эффективность профессиональной деятельности работников.

Для теоретического исследования профессионального сознания работников целесообразно определить адекватную методологическую основу, то есть те подходы и концепции, которые будут использоваться для анализа обозначенной проблемы. Очевидным представляется обращение к концептуальному аппарату менеджмента и психологии, а именно к тем их частям, которые характеризуют различные аспекты поведения человека в организациях.

Изменение и усложнение социально-экономической ситуации в России в начале XXI века обусловило концептуальную смену подхода к управлению организациями. Принципы рыночной экономики диктуют свои условия ведения бизнеса, кардинально отличные от присущего плановому ведению хозяйства в советский период и стихийному – во времена «перестройки». Новое содержание сознания профессионального работника должно быть ориентировано на постоянную изменчивость рыночной среды, на то, что ей свойственны кризисы и застои, и поэтому залогом её устойчивости, стабильности выступает человеческий капитал и его развитие. Мэтрами международного менеджмента в качестве основополагающего принципа эффективного функционирования и развития современных организаций признаётся применение научного подхода к управлению человеческими ресурсами [5; 14 и др.]. В зарубежной науке прошлого столетия активно проводились многочисленные исследования психологии «человека работающего», систематизация результатов которых привела к образованию специфических междисциплинарных предметных областей: организационной психологии [3 и др.] в психологии труда, и

организационного поведения [13; 17 и др.] в менеджменте. В рамках этих направлений учёными отчётливо постулируется мысль об исчерпании технократического подхода в управлении человеческими ресурсами, и необходимости опоры на теории гуманного менеджмента, «...основанного прежде всего на развитии личности и определении её места в мире» [8, с. 7]. Проблема профессионального сознания в западных научных школах в этой связи затрагивалась лишь отчасти, и, в основном, ограничивалась исследованием некоторого его содержания: организационных мифов, общего видения, представлений о миссии и т. п. [24]. Недостаточное, на наш взгляд, исследовательское внимание к проблеме профессионального сознания объясняется тем, что в зарубежной организационной психологии превалировали теории и концепции, объясняющие закономерности управления индивидуальным поведением человека, а вопросы коллективной психологии, в рамках которой только и возможно раскрыть данную проблематику, в основной своей массе оставались за пределами научного анализа.

Отечественная школа психологии управления представлена концептуальным аппаратом психологической теории коллектива, которая охватывала вопросы, связанные с формированием межличностных отношений работников в процессе осуществления профессиональной деятельности [4; 19]. Причём профессиональное сознание отдельных коллективов, а также его функционирование, рассматривалось как часть общественного сознания с традиционным тому периоду переносом характеристик и закономерностей, свойственных массам, на трудовые коллективы [12; 21]. Несомненная фундаментальность данной теории не может скрыть её очевидную недостаточность для понимания и раскрытия не только всех аспектов профессионального сознания персонала организаций, действующих на современном этапе социально-экономического развития российского общества, но и поведения человека работающего в целом. Отсутствие адекватных собственных научных разработок, вскрывающих психологические закономерности поведения современных трудовых коллективов, а также профессионального сознания работников, вынуждает отечественных экспертов менеджмента руководствоваться зарубежными организационно-психологическими

теориями и концепциями [1; 6; 10 и др.], применение которых, зачастую, вследствие их культурной специфики, не приводит к достижению желаемых управленческих целей. Это обстоятельство ставит отечественную науку перед необходимостью создания таких, отвечающих современным социально-экономическим реалиям, психологических технологий и концепций управления поведением человека на рабочем месте, которые, с одной стороны, учитывали уже имеющийся методологический задел в области формирования и функционирования сознания человека трудящегося, а, с другой стороны, непротиворечиво вписывались в мировую практику управления человеческими ресурсами.

Анализ зарубежных научных школ показывает, что человек как представитель конкретной организации (малой социальной группы), в качестве объекта изучения входит в проблемное поле различных наук: экономики, менеджмента, антропологии, социологии. Однако ведущая методологическая роль в этом вопросе отводится психологии. Основные теории и концепции о поведении человека на рабочем месте сконцентрированы в организационной психологии. Отметим, что данная предметная область психологии и в зарубежной, и отечественной научной литературе обозначена по-разному: промышленная психология, индустриальная психология, психология отношений в промышленности, психология менеджмента, социальная психология организаций, человеческие отношения в организации, организационное поведение. Вместе с тем, как отмечает С.К. Рощин: «круг проблем, скрытых под разными названиями, примерно одинаков, и терминологические различия обычно отражают лишь разную расстановку акцентов» [20, с. 25]. В связи с этим, далее, для удобства изложения, употребляя понятие *организационная психология*, будем подразумевать все вышеперечисленные вариации.

Обращение к психологии «человека работающего» обусловлено пониманием того, что перед организацией, наряду с управленческими, экономическими, социальными, возникают задачи психологические. Причём решение последних помогает повысить эффективность деятельности организации в целом [22, с. 117]. Понятийный аппарат современной организационной психологии позволяет изучать различные

психические феномены и поведение работников, а также факторы их детерминирующие. Сознание выполняет основополагающую функцию в осуществлении профессиональной деятельности и регулировании поведения человека в трудовом коллективе [2; 7; 12; 23]. Так, С.Л. Рубинштейн отмечает, что «развитие сознания у человека неразрывно связано с началом общественно-трудовой деятельности» [21, с. 134]. Ранее нами уже был осуществлён подробный психолингвистический анализ формирования и функционирования профессионального сознания [16]. Отметим только, что любая профессиональная деятельность носит коллективный характер, то есть осуществляется в условиях совместной деятельности. Возникновение труда обусловило развитие сложных познавательных функций человека. В свою очередь, совместная деятельность способствовала развитию речи. Данные психические новообразования обеспечили эволюционный выход индивидуального сознания за границы личного опыта человека и позволили стать продуктом общественного труда. Накопленный культурный опыт фиксировался в орудиях труда, в операциях, т.е. способах деятельности с ними, и знаниях о них, запечатлённых в знаках (языке), что позволяло передавать их следующим поколениям. Другими словами, передача культурного опыта при распредмечивании орудий труда возможна лишь на основе совместного знания (со-знания) и посредством речи [15].

Итак, общественная практика, исторически запечатлённая в культурных предметах и их знаковых коррелятах, организует профессиональную деятельность человека. Следовательно, ключевыми переменными организационно-психологического анализа профессионального сознания выступают предметная деятельность и общение. Обе категории, применительно к коллективной деятельности, подробно рассмотрены в рамках психологии общения [11]. А.А. Леонтьев отмечает: «Любая человеческая деятельность невозможна вне общения» [там же, с. 10]. Особенно отчётливо эта функция общения проявляется в коллективной трудовой деятельности. Автор предлагает следующую систему категорий для анализа коллектива: деятельность,

взаимодействие, общение, взаимоотношение, общественное отношение (Таблица 1).

Таблица 1

Модель анализа коллективной деятельности (А.А. Леонтьев)

	Категории анализа (психологические составляющие)	**Содержание анализа**
Коллектив	Деятельность	Предстаёт как производственная деятельность. т.е. направленная на объект (продукт, результат)
	Взаимодействие	Социальная организация трудового коллектива
	Общение	Способ оптимальной социальной организации трудового коллектива
	Взаимоотношения	Социальные связи между членами коллектива, обусловленные их ролью и выполняемыми функциями
	Общественные отношения	Культурно обусловленные значимые связи между субъектами общества

Как видно из таблицы 1 категория *деятельность* трактуется как производственная. Категория *взаимодействие* отражает тип социальной организации коллектива, которая обеспечивает эффективное распределение трудовых обязанностей. Люди могут вступать во взаимодействие (интеракцию) только благодаря общению. Именно опосредованность взаимодействия общением позволяет трактовать его как социальную организацию коллективной деятельности. Категория *общение* рассматривается с точки зрения тех способов, какими достигается оптимальная социальная организация коллектива, а также какие процессы в коллективе приводят к формированию такой организации, обеспечивают её поддержание и изменение. Здесь общение предстаёт как фактор или совокупность факторов интеракции. Категория *общественные отношения* традиционно обозначает значимые связи субъектов общества, обусловленные их социальным положением и общественными функциями. Общение может быть трактовано как реализация или актуализация общественного отношения. Тогда взаимодействие предстаёт тем, в чём актуализируется общественное

отношение, т.е. психологическим содержанием процесса общения. *Взаимоотношение* есть личностный коррелят общественного отношения, и возникает в реальном процессе общения как производное от его психологической организации. Смысловой квинтэссенцией данного табличного выражения является тезис о взаимообусловленности взаимоотношения и взаимодействия: «...взаимоотношение есть внутренняя личностная основа для взаимодействия, а взаимодействие – это реализация или следствие и выражение взаимоотношения» [Там же, с. 28-30].

С позиций данной модели трудовой коллектив есть социально организованные субъекты, выступающие как носители соответствующих профессиональных способностей, навыков и умений, а также как личности, в сознании которых отражены производственные и общественные отношения. Используя данную трактовку коллектива можно предложить следующую типологию профессионального сознания работников в организации (Таблица 2).

Таблица 2

Типология профессионального сознания работников организации

<table>
<tr><th>Психологические составляющие коллектива</th><th>Тип профессионального сознания</th><th>Содержание сознания</th></tr>
<tr><td>Производственная деятельность</td><td>Производственное сознание</td><td>Образы, включающие перцептивные, концептуальные и процедурные знания о продуктах профессионального труда</td></tr>
<tr><td>Взаимодействие</td><td rowspan="3">Организационное сознание</td><td rowspan="3">Представления работника о социально-ролевой структуре организации, её коммуникативной ситуации, о своей роли и функционально-ролевых связях с другими работниками и организациями</td></tr>
<tr><td>Общение</td></tr>
<tr><td>Взаимоотношения</td></tr>
<tr><td>Общественное отношения</td><td>Трудовое сознание</td><td>Представления работника о трудовой деятельности в иерархии других разновидностей социальной жизни</td></tr>
</table>

В представленной таблице 2 выделены производственные, организационные и трудовые типы профессионального сознания. *Производственное сознание* формируется в процессе освоения специальных предметов труда и функционирует в ходе их ре-производства. Производственная деятельность в сознании специалиста представлена в виде совокупности взаимосвязанных специальных предметов труда и операций с ними. Связующим звеном совокупности предметов труда выступает образ конечного результата (продукта) производственной деятельности. *Организационное сознание* формируется и функционирует при выстраивании и реализации социальных связей (контактов) с другими сотрудниками организации при помощи различных средств общения. При этом интенсивность, глубина, частота, средства и формы общения определяются спецификой конечного результата (продукта) производственной деятельности. Эффективность же общения обусловлена оптимальной функционально-ролевой включенностью работника в организационную структуру. *Трудовое сознание* содержательно связывается с профессиональным самоопределением работника в целом, с общественной значимостью его профессиональной деятельности, с перспективами профессионального роста.

Традиционно выделяют три базовых психологических типа работников, разделённых по принципу отношения к труду: X, Y и Z [17]. К типу X относятся работники, воспринимающие работу как обременительную повинность, которую нужно всячески избегать. Такие работники крайне безответственны, и при принятии решений отдают предпочтение коллективным формам. Типичным примером типа X служит бюрократ. Они не амбициозны, одобрительно относятся к «силовым», авторитарным методам управления. Работники типа Y проявляют осознанную заинтересованность в результатах своего труда. Относятся к мотивированным, ответственным сотрудникам, которые ценят свой профессионализм. В меру активны. Таким работникам нужна организационная упорядоченность, позволяющая комбинировать коллективные и индивидуальные формы принятия решений. Группа Z включает работников творческих, с нестандартным мышлением, в

высокой степени самомотивированных и самоуправляемых. Им свойственна рискованность, и некоторое пренебрежение существующими нормами. Z-работников привлекают нерешаемые задачи, кризисные ситуации, бизнес-авантюры. В подобных ситуациях они и могут самореализовываться.

Далее необходимо охарактеризовать типы профессионального сознания применительно к психологическим типам работников. Прежде чем приступить к сопоставлению, определим критерии анализа. Во-первых, будем руководствоваться понятием «пристрастности» индивидуального сознания, которое проявляется «во влиянии мотивационной направленности на характер и организацию категориальных структур восприятия, и осознания субъектом предметной и социальной действительности...» [18, с. 6]. Поскольку структура индивидуального профессионального сознания включает все выделенные типы, то данный критерий позволит выстроить иерархию этих типов. Во-вторых, следует учитывать тот факт, что индивидуальное сознание работника предстаёт в форме совокупности фрагментов, каждый из которых обусловлен оперативной целью и задачами профессиональной деятельности. При этом движение профессионального сознания происходит от фрагмента к фрагменту. В последующем анализе для наглядности при выстраивании иерархии типов профессионального сознания будем использовать шкалу от 1 до 3, где 1 – доминирующий тип, а 3 – наименее значимый тип. Сопоставительный анализ психологических типов работников с типами профессионального сознания представлен в таблице 3.

Таблица 3

Сопоставительный анализ психологических типов работников с типами профессионального сознания

	Производственное сознание	**Организационное сознание**	**Трудовое сознание**
Тип X	3	1	2
Тип Y	1	2	3
Тип Z	2	3	1

Доминирующим типом профессионального сознания работников с психотипом X является организационное сознание, поскольку ориентированы прежде всего на получение знаний о своих коллегах, их личностных особенностях, профессиональном потенциале, привычках, возможных внешних связях и других их социальных и психологических характеристиках. Полученная информация позволяет составить социально-психологический портрет коллектива, который с успехом помогает выстроить оптимальное внутриорганизационное поведение. Интеракции с коллегами обусловлены, в первую очередь, сохранением и поддержанием обретённого социального статуса (места) в коллективе. Ключевым в профессиональном сознании таких работников является образ «Я-коллектив». Для формирования приоритетного («пристрастного») отношения других членов коллектива к социальным аспектам внутренней жизни организации данный тип работников апеллирует к общетрудовым ценностям, общественной значимости, ситуации на рынке труда и другим образам трудового сознания. Фиксация сознания на предметном содержании профессиональной деятельности происходит, по большей мере, в тех производственных ситуациях, когда это способствует укреплению собственных социально-ролевых позиций в коллективе.

В иерархии типов профессионального сознания работников с психотипом Y ведущим выступает производственное сознание. У таких работников ядром профессионального сознания служит образ «Я-профессионал», а организация представлена последовательностью образов, отражающих технологические (производственные) процессы. Причём представления о своих коллегах он формирует, прежде всего, опираясь на их вклад в общий производственный процесс. Внутриорганизационный статус, коммуникации с другими членами коллектива для работника с психотипом Y важны в той мере, насколько это может повлиять на производственный результат (конечный продукт). Именно в ситуациях повышения эффективности производственных процессов профессиональное сознание данного типа работника фиксируется на отношениях, социальных контактах. Трудовое сознание актуализируется крайне редко (чаще всего в кризисные периоды: потеря

работы, производственные травмы и пр.), поскольку личностно он профессионально самоопределился, знает рыночную «цену» своей профессиональной квалификации.

Профессиональное сознание работников с психотипом Z характеризуется направленностью на жизнь всей организации в целом, а доминирующим типом является трудовое сознание. Спокойное наблюдение «со стороны» за функционированием организации чередуется с полным погружением в значимые процессы. В профессиональном сознании работников данного психотипа организация представлена, прежде всего, со стороны её общественной динамики, в системе внешних связей. Ядром профессионального сознания у таких людей является образ «Я-организация». Причём актуализация сознания на производственных процессах происходит в критические, кризисные периоды организации. Именно в это время трудовое сознание подкрепляется производственным типом. Сохранить функционирование организации, сделать творческий производственный прорыв в развитии, обеспечить перспективным направлением деятельности – такие образы профессионального сознания данных работников тесно связываются с их профессиональной самореализацией. Организационное сознание начинает функционировать также в критических ситуациях, когда изменение структуры организации, её оптимизация, смена стиля управления, системы внутриорганизационных коммуникаций и т. п., выступают необходимым условием сохранения функционирования организации.

Проведенный организационно-психологический анализ профессионального сознания работников позволяет сформулировать следующий вывод.

В ходе проведенного анализа были выявлены особенности функционирования профессионального сознания работников, которые обусловливают эффективность их профессиональной деятельности. Данные особенности профессионального сознания раскрываются в его типологической специфике, которая обусловлена психологическими типом профессионального работника. Выделены следующие типы профессионального сознания: производственное, организационное и

трудовое. Общепсихологическая теория деятельности выступает адекватной методологической основой для проведения организационно-психологических исследований.

Литература

1. *Виханский О.С., Наумов А.И.* Менеджмент. 6-е изд. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 656 с.

2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 362 с.

3. *Джуэлл Л.* Индустриально-организационная психология. СПб., Питер, 2001. 720 с.

4. *Донцов А.И.* Психология коллектива. (Методологические проблемы исследования). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.

5. *Друкер П.Ф.* Практика менеджмента. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. 398 с.

6. *Занковский А.Н.* Организационная психология. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2002. 648 с.

7. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15-36.

8. *Кочеткова А.И.* Введение в организационное поведение и организационное моделирование: Учеб. пособие. М.: Дело, 2003. 944 с.

9. *Кочеткова А.И.* Организационное поведение. М.: РАНХиГС, 2014. 68 с.

10. *Красовский* Ю.Д. Организационное поведение. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 511 с.

11. *Леонтьев А.А.* Психология общения: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

12. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

13. *Лютенс Ф.* Организационное поведение: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. 692 с.

14. *Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента, М.: «Дело», 1997. 704 с.

15. *Мыскин С.В.* Профессиональное сознание: языковое и неязыковое // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 135-140.

16. *Мыскин С.В.* Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2016. 46 с.

17. *Ньюстром Д.В., Дэвис К.* Организационное поведение: поведение человека на рабочем месте; пер. с англ. ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2000. 447с. СПб.: Питер, 2000. 448 с.

18. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания: автореф. дис. … д. псих. н. М., 1989. 48 с.

19. *Петровский А.В.* Психологическая теория коллектива. Монография. М.: Педагогика, 1979. 240 с.

20. *Рощин С.К.* Об исследованиях организационного климата // Организационная психология: хрестоматия: [психологический климат и организационная культура. Информационные процессы в организационно-управленческой деятельности. Парадигмы исследования и описания организаций. Организационное поведение, взаимодействие и развитие] / сост. Л.В. Винокуров, Л.В. Скрипюк. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 388-403.

21. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.

22. Социальная психология в современном мире / [Т.Л. Алавидзе, Г.М. Андреева, Е.В. Антонюк и др.] под ред. Андреева Г.М., Донцов А.И. М.: Аспект Пресс Москва, 2002. 335 с.

23. *Тарасов Е.Ф.* Вступительная статья // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 6-16.

24. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство. Спб., Питер, 2002. 336 с.

References

1. Vihanskij O.S., Naumov A.I. Menedzhment. 6-e izd. [Management. 6th ed.] M.: Magistr: INFRA-M, 2014. 656 s.

2. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovanija. [Mindset and speech. Psychological research]. M. L.: Gos. soc.-jekon. izd-vo, 1934. 362 s.

3. Dzhujell L. Industrial'no-organizacionnaja psihologija. [Industrial-organizational psychology]. SPb., Piter, 2001. 720 s.

4. Doncov A.I. Psihologija kollektiva. (Metodologicheskie problemy issledovanija). [The psychology of the team. (Methodological problems of the study)]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 208 s.

5. Druker P.F. Praktika menedzhmenta. [Management practice]. M.: Izdatel'skiĭ dom «Vil'jams», 2000. 398 s.

6. Zankovskij A.N. Organizacionnaja psihologija. 2-e izd. [Organizational psychology. 2th ed.]. M.: Flinta: MPSI, 2002. 648 s.

7. Zinchenko V.P. Miry soznanija i struktura soznanija [Worlds of consciousness and structure of consciousness] // Voprosy psihologii. [Question of psychology]. 1991. № 2. S. 15-36.

8. Kochetkova A.I. Vvedenie v organizacionnoe povedenie i organizacionnoe modelirovanie. [Introduction to organizational behavior and organizational modeling]. M.: Delo, 2003. 944 s.

9. Kochetkova A.I. Organizacionnoe povedenie. [Organizational behavior]. M.: RANHiGS, 2014. 68 s.

10. Krasovskij Ju.D. Organizacionnoe povedenie. 2-e izd. [Organizational behavior. 2th ed.]. M.: JuNITI-DANA, 2003. 511 s.

11. Leont'ev A.A. Psihologija obshhenija: uchebnoe posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 5-e izd., ster. [Psychology of communication: a study guide for the students of higher. studies. institutions. 5th ed.]. M.: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 368 s.

12. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Izd-e 2-e. [Activity. Consciousness. Personality. 2nd Ed.]. M.: Politizdat, 1977. 304 s.

13. Ljutens F. Organizacionnoe povedenie: per. s angl. [Organizational behavior: trans. from English]. M.: INFRA-M, 1999. 692 s.

14. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. Osnovy menedzhmenta. [Basics of management]. M.: «Delo», 1997. 704 s.

15. Myskin S.V. Professional'noe soznanie: jazykovoe i nejazykovoe [Professional consciousness: linguistic and non-linguistic] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological science. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2013. № 12 (30): v 2-h ch. Ch. II. C. 135-140.

16. Myskin S.V. Professional'noe jazykovoe soznanie i osobennosti ego funkcionirovanija: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. [Professional linguistic consciousness and peculiarities of its functioning: author of dissertation of doctor of Philology]. M., 2016. 46 s.

17. N'justrom D.V., Djevis K. Organizacionnoe povedenie: povedenie cheloveka na rabochem meste; per. s angl. red. Ju.N. Kapturevskogo. [Organizational behavior: human behavior in the workplace]. SPb.: Piter, 2000. 447s. SPb.: Piter, 2000. 448 s.

18. Petrenko V.F. Psihosemantika soznanija: avtoref. dis. … d. psih. n. [Psychosemantics of consciousness: author of dissertation of doctor of psychology]. M., 1989. 48 s.

19. Petrovskij A.V. Psihologicheskaja teorija kollektiva. Monografija. [Psychological theory of collective. Monograph]. M.: Pedagogika, 1979. 240 s. : il.

20. Roshhin S.K. Ob issledovanijah organizacionnogo klimata [On organizational climate research] // Organizacionnaja psihologija: hrestomatija: [psihologicheskij klimat i organizacionnaja kul'tura. Informacionnye processy v organizacionno-upravlencheskoj dejatel'nosti. Paradigmy issledovanija i opisanija organizacij. Organizacionnoe povedenie, vzaimodejstvie i razvitie] [Organizational psychology: textbook: (psychological climate and organizational culture. Information processes in organizational and managerial activities. Research paradigms and descriptions of organizations. Organizational behavior, interaction and development)] / sost. L.V. Vinokurov, L.V. Skripjuk. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. s. 388-403.

21. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. [Fundamentals of General psychology]. SPb.: Piter, 1999. 720 s.

22. Social'naja psihologija v sovremennom mire [Social psychology in the modern world] / [T.L. Alavidze, G.M. Andreeva, E.V. Antonjuk i dr.] pod red. Andreeva G.M., Doncov A.I. M.: Aspekt Press Moskva, 2002. 335 s.

23. Tarasov E.F. Vstupitel'naja stat'ja [Introductory article] // Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost' [Language and consciousness: paradoxical rationality] / otv. red. E. F. Tarasov. M.: IJa RAN, 1993. S. 6-16.

24. Shejn Je.H. Organizacionnaja kul'tura i liderstvo. [Organizational culture and leadership]. Spb., Piter, 2002. 336 s.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ / EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

М.Э. Рябова,
доктор философских наук, профессор,
АНО ВО «Российский новый университет»,
105 005, ул. Радио, 22
Москва, Россия
e-mail: ryabovame@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ БЛОГЕРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме языковой личности блогера, воспроизводство которой взаимообусловлено социокультурным контекстом сетевой коммуникации. Базируясь на методе дуальных оппозиций можно обосновывать роль языка и речи в новой технической среде современности, редуцирующей субъектные качества блогера к виртуальной самопрезентации, что рассматривается в качестве потенциальной возможности абсолютного управления восприятием реципиента. Это происходит при опоре на визуальные средства коммуникации и комплексное использование всех инструментов, предоставляемых блогом (никнейм, аватар и другие). Исходя из предпосылки, что в сетевой коммуникации человек располагает возможностью показать себя таким, каким захочет, единственным источником информации о блогере может служить его речь, воплощенная в электронный текст. Язык блога представляет собой смешение разнообразных функциональных стилей. Он характеризуется присутствием как нейтральных средств литературного языка, так и разговорных форм. В этом смысле можно утверждать, что блоги – пространство эволюции и развития языковых средств в XXI веке, что отражается на состоянии блогосферы в целом. Сделан вывод, что если учесть, что появлению жанра блога способствовало развитие технологий, и тот же фактор влияет на эволюцию данного жанра, то можно утверждать, что по мере дальнейшего развития технологий откроются новые возможности для изучения языковой личности блогера, выявления

того, как используется язык субъектом речи в зависимости от способа коммуникации.

Ключевые слова: язык, речь, языковая личность, блогер, блогосфера, сетевая коммуникативная среда, дуальная оппозиция, самопрезентация.

M. Ryabova

BLOGGER'S LINGUAL IDENTITY IN MODERN NETWORK COMMUNICATION

The article is devoted to the issue of blogger's lingual identity interrelated by the network communication's sociocultural context. Based on dual oppositions method, the role of language and speech within new present day technical environment, which is reducing blogger's subject qualities to the internet self-presentation and that is considered to be a potential possibility of recipient's perception absolute control, is substantiated. It happens when you rely on communicative visual means and complex use of all the tools provided by the blog (nickname, avatar, etc.). Operating on the premise that within a network communication an individual has the opportunity to introduce himself in the way he wants and his speech embodied in an electronic text may be the only source of information about the blogger. The blog language is a mixture of various functional styles. It is characterized by the presence of both literary language neutral means and colloquial forms. In this sense it can be argued that blogs play the roles of evolution and development spaces for XXI century linguistic means and that this affects the blogosphere state as a whole. It was concluded that if we take into account that the development of technologies contributed to the appearance of the blog genre and the same factor still affects the genre evolution, then we can safely say that the new opportunities to study blogger's lingual identity and to identify, how an individual use the language in his speech depending on the method of communication, with the further technological development will appear.

Keywords: language, speech, lingual identity, blogger, blogosphere, network communication environment, dual opposition, self-presentation.

Сетевая коммуникативная обусловленность языковой личности сегодня является приоритетным объектом исследования теоретической и

прикладной лингвистики и, в частности, психолингвистики. Актуализация проблемы языковой личности блогера не случайна. Она связана с воспроизводством ментальности коллективного субъекта, способного принимать сложные решения в зыбких гранях межкультурных переходов нынешнего времени, повышая тем самым, потенциал своей действенности. Поэтому изучение проблемы становления личностных и субъектных качеств блогера, впущенного в бытие глобальных преобразований, приобретает особый смысл. Осмысление той роли, которую в этом процессе играют две ключевых составляющих языковой личности – язык и речь – и является основной задачей статьи.

Язык и его функции

Язык, с одной стороны, выступает в качестве хранителя и транслятора культурной традиции, с другой, – объединяет поколения и народы в коммуникативном пространстве, является показателем идентичности личности. Хотя язык – не единственный фактор идентификации, все же он играет интегральную роль в чувстве принадлежности отдельного индивидуума к социуму. Без языка нет совместного базиса для коммуникации внутри общества. Человек нуждается в языке, чтобы включиться в общество и общаться с другими. Более того, очевидно, что, не услышав речь человека, не изучив его речь, трудно понять, что он собой представляет. Видимо, поэтому Н.Н. Вольский утверждал, что «главный путь изучения человека – изучение человеческого языка, а, следовательно, главная из наук о человеке – лингвистика» [4, с. 7]. Приведенная цитата иллюстрирует понимание языка как системы символов, произвольных и условных знаков, которыми овладевает личность в своем становлении, исходя из чего становится важным выявление не просто функций языка, но их соотнесенности с понятием «речь».

Анализ научной литературы позволяет установить, что не существует однозначного определения понятия «язык». Следует принять во внимание концепцию Ф. де Соссюра о языке как отражении связи

между означающим и означаемым [10]. Характер этих связей не всегда однороден. Выделяя основополагающей оппозицию «язык-речь», Ф. де Соссюр называет ведущие элементы языковой предметности: 1) язык как определенная знаковая структура; 2) речевая деятельность как социально-обусловленный процесс функционирования языка; 3) речь как реализация субъектом языковой способности и языковых знаний. Тем самым, совершенно очевидно разведение понятий языка и речи. Язык понимается как систематизированная совокупность правил, необходимых для коммуникации, общения. Речь же является индивидуальным воплощением языка. Э. Левинас относит язык к категории бесконечности [7, с. 76], указывая на его универсальный и в то же время глубоко индивидуальный характер. Большую значимость для настоящего исследования имеет вывод о том, что речь *является индивидуальным воплощением языка,* значит, в ней отражены социальные и личностные отношения. Отметим другое положение Э. Сепира, который еще в XIX веке относил язык к категории эмпирической, ибо «опыт пропитан вербализмом», и язык «обладает психологическими качествами» [9, с. 225]. Сказанное открывает проблему языковой личности, непосредственное отношение к раскрытию сущности которой имеет анализ функций языка.

Обзор научных подходов и концепций дает основание утверждать, что разные авторы выделяют различные функции языка. Так, К. Бюлер, изучая процесс передачи информации от одного участника речевого акта другому, ввел понятие «органон», которое связывает участников речевого акта и передаваемую информацию. На основе этого он выделил следующие функции языка: выражения – экспрессивную, которая соотносится с говорящим, обращения – апеллятивную, которая соотносится со слушающим, и сообщения – репрезентативную, которая соотносится с предметом, о котором идет речь [2, с. 183]. Вслед за ним, А. Мартине выделяет коммуникативную, выразительную и эстетическую функцию языка [8]. Основываясь на теории К. Бюлера, Р. Якобсон при характеристике участников акта речи – говорящего (адресант), слушающего (адресат) и предмета речи (референт) – пишет о трех

компонентах: контакт (канал связи), код и сообщение. В качестве критерия выделения языковых функций Р. Якобсон рассматривает коммуникацию как «способ существования языка в социальном контексте диалога» [12, с. 211]. Он выделяет следующие шесть функций языка: *экспрессивная* (иначе эмотивная, функция рефлексии отправителя сообщения, его эмоциональное отношение к высказыванию); *конативная* (иначе апеллятивная, функция усвоения сообщения и воздействия на собеседника); *референтивная* (иначе коммуникативная, то есть функция передачи информации, связанной со знанием контекста сообщения, которую многие исследователи называют «когнитивной» и «гносеологической» (лат. – *«знать»),* поскольку она отвечает за передачу знания о предмете); *фатическая* (или контактоустанавливающая, которая отвечает за поддержание контакта и успешность диалога); *метаязыковая* (или функция «кода» высказывания, которая реализуется в высказываниях о языке); *поэтическая* (или эстетическая, под которой Р. Якобсон понимал форму сообщения, которая становится важнее его содержания) [Там же, с. 225]. Апеллятивная и метаязыковая функции в данном случае представляют особый интерес, поскольку развитие языковой личности происходит в процессе формирования кода в речевом акте с Другим. Каждый индивид старается представить и представиться, обозначить свое присутствие в этом мире и заявляет об этом с помощью языка. Манифестация, таким образом, основывается на использовании совокупности ряда функций. Целесообразно остановиться на этом вопросе подробнее.

Язык не только помогает материализоваться мысли, закрепить собственное присутствие, он также «становится открытием Другого» (Э. Левинас), поскольку через манифестацию себя как субъекта человек приходит к необходимости взаимодействия с собеседником, на которого и будет направлена вербальная интенция. Язык как знаковая система вступает в коммуникативный акт с рецептором: это детерминировано самой природой высказывания, выполненного в любой форме, которое всегда оказывается ориентированным на восприятие реципиентом. Такая «ориентированность» к адресату связана с апеллятивной функцией языка. В процессе рецепции информации выделяют три основных элемента:

посылающего, принимающего и предметы, составляющие содержание того или иного сообщения. Апеллятивная функция призвана возбудить в адресате эмоциональный отклик, ответ, который бы эксплицитно выражался в определенной психосоматической форме, от изменения сердечного ритма до рефлексии собственного предшествующего опыта. Возвращаясь к Р. Якобсону, нужно подчеркнуть, что в его интерпретации границы речевого общения расширяются благодаря включению таких дополнительных элементов, как контекст, код, контакт между собеседниками. По мнению автора, конативная функция реализуется в звательных или императивных формах, присутствующих в тексте или в других формах выражения высказывания [Там же, с. 115].

Говоря о «поэтической» функции языка, Р. Якобсон имеет в виду преобладание эмоционального начала над рациональным в процессе создания и интерпретации высказывания, то есть непременное присутствие в речи эмоциональных коннотаций, индивидуальных отсылок и субъективных переживаний. В ходе культурно-исторического развития научного знания возникает необходимость разграничения понятий «язык» и «речь». Соссюр, четко разделявший понятия «язык» и «речь», представляется, обозначил педагогический и методический аспекты данной проблемы. Под языком он понимал «продукт, который пассивно регистрируется индивидом» [10, с. 44], речь же он выделил как «индивидуальный акт воли и понимания, языковой код для выражения личной мысли» [Там же, с. 57]. Значит, человек пользуется общим языковым кодом, однако избирательно, тем самым проявляя собственную индивидуальность. Бесконтрольное изменение структуры языка происходит постоянно, но только сам индивид осознанно или стихийно включает в собственную речь, т.е. в свой языковой код, те или иные слова и выражения.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что при разграничении понятий «язык» и «речь» для лингвистов главным критерием является категория реализации высказывания как конечного продукта коммуникации. Названный критерий представляется продуктивным в методологическом аспекте, в плане связи с проблемой

развития ключевого понятия – языковой личности.

Язык и языковая личность

Исследуя интеракцию художественного образа и образа автора, В.В. Виноградов писал о языковой личности как «субъекте, способном совершать речевые поступки». Определение не было раскрыто, но исследователь подчеркивал, что языковое творчество личности – «следствие [...] тех коллективных субъектов, формы которых оно в себе носит, творчески их усваивая» [3, с. 249].

Э. Сепир также отмечал индивидуальные характеристики человека, отражаемые в его речи. В 60-х годах XX века Л. Вайсгербер, последователь В. фон Гумбольдта, описал языковую личность в обязательном социолингвистическом контексте родного языка, которому эта личность принадлежит, но определения понятия языковой личности не привел.

В российской научной литературе с начала 80-х годов уделяется пристальное внимание определению феномена «языковая личность», так как именно в это время в языкознании наметились контуры нового, антропоцентрического направления его развития. Так, Ю.Н. Караулов трактует это понятие как «совокупность характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [6, с. 51]. По мнению Ю.Н. Караулова, личность прежде всего приобщается к языковой картине мира, а затем с помощью этого же языка проецирует, переносит себя в этот мир. В структуре языковой личности Караулов выделяет три уровня: 1) *вербалъно-семантический* или лексикон (запас слов человека, которыми он пользуется в ситуации обычной бытовой коммуникации); 2) *лингвокогнитивный,* или тезаурус (отражение идиолекта личности, ее отличительные речевые характеристики); 3) *мотивационный* или прагматикон (цели и задачи коммуникации, речевые интенции говорящего). Основаниями для выделения этих уровней являются слова,

концепты и потребности в коммуникации, отношения между указанными единицами и стереотипы их объединения в некую систему. Эти положения важны для целей настоящего исследования, поскольку, во-первых, предполагают, что особенности мировоззрения человека проявляются в особенностях создаваемого им текста, во-вторых, указывают на необходимость при описании языковой личности учитывать не только индивидуальные характеристики, но и нормы речевой деятельности, принятые в той или иной социальной группе. Уместно здесь отметить, что исследователи, рассматривающие современный язык сети Интернет с точки зрения психологии, также пришли к выводу о стереотипности поведения и выражения мыслей посредством языковых средств. Г.И. Богин писал о языковой личности как о центральном понятии лингводидактики, о личности, которая не только «знает о языке», но и «может с языком делать». Для теории и практики ценна мысль данного автора о том, что в человеке заложена родовая способность быть языковой личностью, но «каждый индивид еще должен стать ею» [1, с. 3]. Выделяя уровни владения языком, автор подчеркивает прагматический аспект речевой деятельности, оценивая в первую очередь реакцию собеседника на получаемую информацию.

Можно выделить подход С.Г. Воркачева, в понятии которого «языковая личность» обладает несколькими составляющими элементами. Это «речевая личность» (способный к речевой деятельности человек как носитель языка), «коммуникативная личность» (понимаемая как особенности вербального поведения человека, который использует язык как средство общения) и «этносемантическая личность» (базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре) [5, с. 66].

Разумеется, учитывая многослойность и противоречивость языковой действительности, трудно дать универсальное определение языковой личности, но работы названных исследователей-лингвистов, посвященные проблеме языковой личности, дают основание для комплексного толкования, охватывающего и лингвистический, и философский, и психологический, культурно-антропологический аспекты

личности, преломленные через ее язык, коммуникацию. В этих работах было обосновано положение, согласно которому языковая личность может быть понята лишь как историческое явление, несущее в себе печать конкретных условий ее эволюции. И практически все исследователи при анализе опираются на модель языковой личности, разработанную Ю.Н. Карауловым. Его позиция во многом обусловила специфику авторского понимания языковой личности, согласно которому *языковая личность есть субъект, действующий в языковой действительности, социокультурном пространстве коммуникации и рефлексирующий поступающую информацию и себя в стереотипах речевого поведения.* Представляется, что за каждой языковой личностью стоят создаваемые ею тексты, рассматриваемые как части единого целого. В этом смысле автор сообщения выступает как особый собирательный тип языковой личности, выступая как коллективная личность.

В связи с возникновением сетевой коммуникации и ростом изо дня в день количества людей, проводящих свое время в сетях и выражающих свои мысли и желания с помощью электронного текста, вполне оправданно анализировать языковую личность в сетевой коммуникации как феномен, обусловленный развитием такого средства и способа получения и передачи информации, как интернет, и появлением новых систем мультимедийных жанров – блога, электронного письма, обсуждения в форуме и т.д.

Конструирование языковой личности блогера

Среди различных форм интернет-коммуникации в плане реализуемых в них коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых средств, используемых участниками в процессе взаимодействия, наибольшее внимание привлекает блог. Особенность языковой личности блогера заключается в том, что она функционирует благодаря технической системе, в своем виртуальном выражении имеет вербальное воплощение, предоставляет широкие возможности для реализации желаемого образа. Отдаленность участников данного вида общения, возможность установления контактов с любым пользователем в

сети вне зависимости от расстояния, позволяют реальной личности замаскироваться под любой виртуальный образ, скрывая при этом такие характеристики, как пол, возраст, социальное положение и многое другое.

Главным условием эффективного коммуникативного контакта является равенство «безликих» виртуальных личностей для самовыражения, а степень воздействия общающихся друг на друга определяется их коммуникаторскими способностями (в первую очередь способность «письменного» влияния), умение не только выражать чувства, но и скрывать их, равно как и выражать чувства, которые в данный момент они не испытывают.

Кратко рассмотрим существующие трактовки ключевого в рамках заявленной проблематики понятия «блог».

1. Блог как персональная структурированная страница: блог состоит из совокупности записей, или постов термин «пост» более распространен в блогосфере как компьютерно-опосредованной среде общения, чем термин «запись»; поэтому целесообразно использовать оба термина как равнозначные), датированность этих записей, расположение записей в обратном хронологическом порядке, регулярность обновления, наличие гиперссылок, мультимедийный характер содержания.

2. Блог как онлайн-дневник, содержание которого постоянно с обновляется и возможно комментирование записей. Понимание блога как дневника представляется не совсем корректным, поскольку блог не равнозначен дневнику, хотя у них и есть общие черты (регулярно добавляемые датированные записи, в которых могут выражаться мысли и мнение автора). Однако существование профессиональных и групповых блогов (в том числе корпоративных), а также блогов частных предпринимателей свидетельствует о том, что рассмотрение блога как дневника сужает объем этого понятия.

3. Блог как средство профессиональной самопрезентациии построения сетей взаимодействия. Такое понимание блога не учитывает выполнение данным видом коммуникации множества других функций.

4. Блог как новый источник получения информации. Однако, данный подход слишком абстрактен для исчерпывающего определения

исследуемого понятия.

Первый подход к определению блога представляется наиболее целесообразным, поскольку он содержит наиболее полное и универсальное толкование данного понятия, а также этот подход обозначает блог как веб-сайт, т.е. как совокупность электронных документов (файлов), объединенных под одним адресом в Сети.

Поскольку жанр блога предлагает неограниченные возможности для конструирования своей идентичности, то можно говорить не столько об авторе блога, сколько о создаваемом им образе – виртуальной языковой личности. Информационное пространство в своем виртуальном выражении есть пространство вербальное, и поэтому в нем на первый план выходит самопрезентация блогера. На то и направлена прежде всего структура блога, которая состоит из трех основных компонентов: средств самоидентификации и самопрезентации автора; совокупности датированных, расположенных в обратном хронологическом порядке записей (постов); диалогической (полилогической) части.

Под самопрезентацией понимается стратегия речевого поведения, направленная на формирование образа своей личности в системе внешних коммуникаций с помощью языковых средств. Как отмечают некоторые иследователи, в основе самопрезентации могут лежать разные мотивы — потребность одобрения, желание избежать неодобрения, привлечь к себе внимание. Так, Т.А. ван Дейк считает, что самопрезентация призвана управлять впечатлением окружающих, блокировать их отрицательные выводы [13, p. 375]. Другие же авторы полагают, что самопрезентация предполагает не только управление мнением других, но и самовыражение, демонстрацию человеком своих личностных характеристик [11, с. 7 -14].

Такие мотивы самопрезентации характерны для блогов, так как блогер не только стремится показать себя с наилучшей стороны, но и описать свои личностные качества, что реализуется с помощью различных языковых средств. Виртуальная языковая личность блогера вступает в виртуальное взаимодействие, формируя свой образ, управляя впечатлением о себе посредством языка (речи), используя в качестве основного средства самопрезентации языковое оформление поста, и это позволяет ей создавать о себе впечатление по своему выбору.

Анонимность, с одной стороны, расширяет возможности самопрезентации человека, с другой, – способствует «коммуникативным сбоям» восприятия. Как отмечает Н. Паломарес, анонимность может как усилить, так и ослабить проявление субъективности в электронных сообщениях. При этом индивидуальные черты личности коммуниканта и его собственный стиль являются первостепенным фактором, определяющим усиление или ослабление этих особенностей [14, p. 582]. Возможное решение данной проблемы для адресанта заключается в создании собственного образа, которому максимально доверяет аудитория.

Блогер может перенести в виртуальное пространство уже известные ему в реальном мире социальные символы посредством виртуальной реконструкции социальной идентичности или формировать себя в виртуальном пространстве посредством воссоздания персональной идентичности.

Придерживаясь подхода Ю.Н. Караулова, представляется необходимым исследовать функционирование виртуальной языковой личности блогера на вербально-семантическом, когнитивном и мотивационном уровнях. Вербально-семантический уровень предполагает формирование сетевой идентичности, исключительно посредством вербализации, когнитивный (или тезаурусный) уровень – отражение в описании языковой модели личности, ее структуры, изучение которых возможно на основе анализа «ников» (сетевых имен) блогеров, а также тематического содержания блогов. Мотивационный уровень отражает базовые личностные характеристики индивида, интересы, склонности. Можно выделить следующие цели ведения блогов: деловая, познавательная, сотрудничества, самореализации, рекреационная и игровая, аффилиативная (создание и поддержание онлайн-сообществ), коммуникативная, документирования собственной жизни (мемуарная), выражения душевных переживаний, эмоций, чувств. Несмотря на универсальный характер выделенных целей, у профессиональных авторов (например, ведущих корпоративные блоги) и блогеров-любителей как сами цели деятельности, так и их характеристики существенно различаются. Так, у блогеров-непрофессионалов может отсутствовать

четкое представление о целях их постов, в то время как для корпоративных блогеров целеполагание – необходимый, институционально обусловленный компонент деятельности, что существенно влияет на языковой аспект коммуникации.

Изучение специфики воспроизводства языковой личности блогера позволяет представить этот процесс в виде взаимопереходов в системе дуальных оппозиций личностных, реальных и виртуальных социокультурных пространств, требующих тщательного изучения, что и является перспективной последующих исследований.

Литература

1. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Ленинград: Атланта, 1984. 98 с.

2. *Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка: пер. с нем. / ред., авт. примеч., авт. предисл. Т. В. Булыгина, авт. предисл. А. А. Леонтьев. М.: Прогресс, 1993. 502 с.

3. *Виноградов В.В.* Социально-языковые системы и индивидуально-языковое творчество // Семиотика и Авангард: Антология. М.: Академический Проект : Культура, 2006. С. 242-250.

4. *Вольский Н.Н.* Лингвистическая антропология. Введение в науки о человеке. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. 238 с.

5. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

7. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.

8. *Мартине А.* Основы общей лингвистики / пер. с фр. В. В. Шеворошкина; под ред., вступ. ст. В. А. Звягинцева. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 224 с.

9. *Сепир Э.* Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 223-247.

10. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики; пер. с фр. А. М. Сухотина; вступ. ст. и примеч. Н. А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера. М.: Логос, 1999. 296 с.

11. *Черкасова И.С.* Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и объявлениях о знакомстве: автореф.…дис. филол. наук. Волгоград, 2006. 25 с.

12. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1995. С. 190-230.

13. *Dijk T.A. van.* Cognitive and Conversational Strategies in the Expression of Ethnic Prejudice. Amsterdam: Mouton Publishers, 1983. P. 375-404.

14. *Palomares N.A.* Gender Schematicity, Gender Identity Salience, and Gender-Linked Language Use. Human Communication Research. Wiley-Blackwell, 2004. 30 (4). P. 556-588.

References

1. Bogin G.I. (1984) Model' jazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov [The lingual identity model in its relation to the varieties of texts]. Leningrad: Atlanta, pp. 98.

2. Bjuler K. (1993) Teorija jazyka: reprezentativnaja funkcija jazyka: per. s nem. [Language theory: language representative function: translation from German.] / red., avt. primech., avt. predisl. T. V. Bulygina, avt. predisl. A.A. Leont'ev. Moskva: Progress, pp. 502.

3. Vinogradov V.V. (2006) Social'no-jazykovye sistemy i individual'no-jazykovoe tvorchestvo [Socio-language systems and individual linguistic creativity] // Semiotika i Avangard: Antologija [Semiotics and Vanguard: Anthology], M., pp. 242-250.

4. Vol'skij N.N. (2004) Lingvisticheskaja antropologija. Vvedenie v nauki o cheloveke [Linguistic anthropology. Introduction to the human sciences]. Novosibirsk: Izd. NGPU, pp. 238.

5. Vorkachev S.G. (2001) Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Linguoculturology, the lingual identity, the concept: the formation of the

anthropocentric paradigm in linguistics] // Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 1. pp. 64-72.

6. Karaulov U.N. (1987) Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and the lingual identity], Moskva: Nauka, pp. 263.

7. Levinas E. (2000) Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe [Selected works. Totality and Infinite], M., SPb.: Universitetskaja kniga, pp. 416.

8. Martine A. (2004) Osnovy obshhej lingvistiki [Fundamentals of General Linguistics] / per. s fr. V. V. Shevoroshkina; pod red., vstup. st. V.A. Zvjaginceva. Moskva: Editorial URSS, pp. 224.

9. Sepir E. Language (1993) // Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Selected works on linguistics and culturology], M., pp. 223-247.

10. Sossjur de F. (1999) Kurs obshhej lingvistiki; per. s fr. A.M. Suhotina; vstup. st. i primech. N.A. Sljusarevoj; poslesl. R. Jenglera [The course of general linguistics; translation from French by A.M. Sukhotin; introduction and note by N.A. Slusareva; afterword by R. Engler], Moskva: Logos, pp. 296.

11. Cherkasova I.S. (2006) Realizacija kommunikativnoj strategii samoprezentacii lichnosti v russkih i nemeckih ob#javlenijah o znakomstve: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Realization of the communicative strategy for person self-presentation in Russian and German declarations about acquaintance: the author's abstract for the PhD dissertation]. Volgograd, pp. 25.

12. Jakobson R. (1995) Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics] // Strukturalizm: «za» i «protiv» [Structuralism: "for" and "against"], Moskva: Progress, pp. 190-230.

13. Dijk T.A. van and Conversational in the of Ethnic Prejudice. Mouton Publishers, 1983. P. 375-404.

14. Palomares N.A. Gender Schematicity, Identity Salience, Gender Linked Use. Human Communication Wiley-Blackwell, 2004. 30 (4). P. 556-588.

И.В. Журавлев,
кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
Отдела психолингвистики Института языкознания РАН,
Москва, Россия
e-mail: semiotik@yandex.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН

При построении коммуникативной модели речевого процесса необходимо учитывать существование различных видов, форм и уровней коммуникации. Одной из актуальных задач современной психолингвистики является изучение коммуникации в профессиональной среде. При этом следует понимать, что коммуникация осуществляется в разных формах и на разных уровнях: отнюдь не всё в коммуникативном процессе доступно рефлексивному взгляду и критической оценке его участников. В работе предпринят теоретический анализ мифологических аспектов профессионального общения. Обосновано понимание профессионального мифа как системы знаний и ожиданий участников профессионального сообщества, которая в момент общения не подвергается сознательной рефлексии. Проведено разграничение между категориями «профессиональный образ мира» и «профессиональный миф». Показано, что функционирование профессионального мифа можно изучать с опорой на идею А.Н. Леонтьева о диалектической противоположности образа и процесса. Хотя миф не поддается рефлексии, в ходе его усвоения необходима частичная его объективация (что и происходит при овладении профессиональным языком). В ходе педагогической деятельности происходит переход от надгруппового общения (когда представитель профессии обращается к людям, не являющимися носителями данного профессионального образа мира и профессионального мифа) к внутригрупповому (т.е. общению внутри профессиональной группы).

Ключевые слова: коммуникация, профессиональное общение, образ мира, профессиональный миф, рефлексия, знание

I. Zhuravlev

MYTHOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

When constructing a communicative model of speech process it is necessary to take into account the existence of different types, forms and levels of communication. One of the actual tasks of modern psycholinguistics is the study of a professional community communication. At the same time, it should be understood that communication is carried out in different forms and at different levels: not everything in the communication process is accessible to the reflective self-view and critical assessments of it's participants. The paper presents a theoretical analysis of the mythological aspects of professional communication. We understand professional myth as a system of expectations shared by the members of a professional community, which at the time of communication is not subjected to conscious reflection. A distinction is made between the categories of "professional world image" and "professional myth". It is shown that the functioning of the professional myth can be studied on the basis of A.N. Leontiev's idea of dialectical opposition "image—process". Although myth is not susceptible to reflection, the process of myth adoption needs its partial objectification (it happens when learning professional language). In the course of pedagogical activity we can see a transition from extra-group communication (when a representative of the profession refers to people who are not the bearers of this professional worldview and professional myth) to intra-group communication (i.e. communication within a professional group).

Keywords: communication, professional communication, world image, professional myth, reflection, knowledge

Введение

Разрабатывая коммуникативную модель естественного вербального процесса [см.: 2; 3; 4], исследователь неизбежно сталкивается с существованием различных видов, форм и уровней общения (коммуникации). Например, можно выделять сознательную и бессознательную коммуникацию или говорить о том, что степень рефлексии коммуникантов над передаваемыми (воспринимаемыми) сообщениями может быть различной. Исключительно сознательная, «прозрачная» коммуникация является, по-видимому, крайне редким случаем коммуникативного процесса; существенно чаще коммуниканты поддерживают и транслируют друг другу скрытые, имплицитные знания и установки, недоступные в момент коммуникации для их сознательной рефлексии. Это характерно для разных видов общения, но особенно четко проявляется в общении представителей социальных групп, объединенных особенностями образа мира и, соответственно, особенностями мифа, которого придерживаются представители социальной группы. Так, можно говорить о специфике образа мира и общения в различных религиозных группах или политических объединениях. Особый интерес в связи с этим представляет общение в профессиональной среде.

Общение в профессиональной среде: аспекты рассмотрения

Общение в профессиональной среде может быть объектом различных научных дисциплин. *Социально-психологический* аспект рассмотрения данного объекта связан с выделением профессионального сообщества как социальной группы и описанием психологии группового поведения. Такое описание может ориентироваться также и на различные наработки из области групповой психотерапии (описание групповой динамики, иерархии, ролевого поведения и т.п.). В *психологии труда* рассматриваются механизмы формирования мотивации профессиональной деятельности, а также факторы, влияющие на ее организацию и динамику (включая формирование установок, навыков, личностных ориентиров, ценностей и т.п.). Кроме того, здесь же могут

быть рассмотрены и условия совместной трудовой деятельности и общения в трудовом коллективе.

Можно также говорить об *экологии или гигиене* профессионального общения, т.е. о совокупности факторов, влияющих на психологическое состояние членов трудового коллектива и связанных напрямую либо косвенно с формами, стилями, стратегиями их коммуникативного поведения. Это, в свою очередь, соотносится с *этическим* аспектом рассмотрения профессионального общения, который заключается во вскрытии, описании и трансляции правил коммуникативного поведения участников коллектива, создании «этических кодексов» и т.д.

Лингвистический подход к анализу профессионального общения заключается в описании характеристик языка профессионального сообщества. *Психолингвистический* аспект проблемы может быть связан с раскрытием закономерностей восприятия и производства субъектом профессиональных текстов [11], а также с выявлением характеристик профессионального образа мира и профессионального языкового сознания. Кроме того, психолингвистический подход к профессиональному общению может быть направлен на описание различных видов общения в профессиональных группах: предметом рассмотрения в данном случае может стать как деловое, так и неделовое, как формальное, так и неформальное общение в рамках трудового коллектива.

В качестве самостоятельного подхода, связанного с психолингвистическим, может быть назван подход с точки зрения *психологии влияния и управления*. Здесь можно анализировать и описывать механизмы речевого и неречевого воздействия на сознание человека, управления его поведением в различных условиях. Такое управление и воздействие может осуществляться в различных формах, приемлемых либо неприемлемых с точки зрения этики.

Мы попытаемся очертить круг теоретических и практических проблем, возникающих при рассмотрении профессионального общения как механизма формирования, поддержания и трансляции *профессионального мифа*. Этому аспекту рассмотрения профессионального общения в современных исследованиях уделяется

меньше внимания, чем другим. Мы полагаем, тем не менее, что профессиональный миф является неотъемлемой составляющей профессионального сознания, а стало быть, и фактором, подчиняющим себе существенную часть коммуникативных процессов, происходящих в профессиональном сообществе.

Категория образа мира и категория мифа

Категория мифа в современной науке достаточно расплывчата; в различных контекстах она наполняется различным конкретным содержанием. В лингвистике и семиотике наиболее широкой известностью пользуются структурная модель мифа К. Леви-Стросса и модель мифа как вторичной знаковой системы Р. Барта.

Мы будем трактовать миф как структуру сознания, обладающую рядом характеристик (устойчивость, самоподдержание, транслируемость в определенных формах). Чтобы описать «механизм» функционирования мифа, нам необходимо обратиться к теории сознания, развиваемой в рамках общепсихологической теории деятельности.

В теории, разработанной А.Н. Леонтьевым и представителями его школы, ключевой категорией является категория *образа мира*. Образ мира понимается как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и поддающееся сознательной рефлексии. «Мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений... Человек не “номинирует” чувственные образы предметов — предметные значения суть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека...» [8, с. 268-269]. Образ мира *первичен* по отношению к отдельным чувственным восприятиям: «...условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенности предмета к этому миру» [5, с. 149]. Образ мира *амодален*, т.к. по способу происхождения он соотносится не со стимулом, а с действиями субъекта в предметном мире [5, с. 147]. Наконец, образ мира представляет собой не столько отображение прошлого и настоящего, сколько отражение будущего, т.е.

систему ожиданий и прогнозов человека, совершающего те или иные действия. В этой системе ожиданий можно выделять различные уровни или слои [13, с. 152].

Приблизиться к пониманию того, как функционирует сознание, позволяет идея А.Н. Леонтьева о диалектической противоположности образа и процесса. Согласно А.Н. Леонтьеву, «действительная противоположность» есть противоположность образа и процесса (безразлично внутреннего или внешнего), а не противоположность сознания (как внутреннего) предметному миру (как внешнему). Образ и процесс связаны динамическими отношениями и «бывают тождественными», при этом образ «инертен», он «отстает от процесса» [9, с. 354-371]. Эта идея проливает свет на отношение между феноменальной (чувственной и биодинамической) тканью и значением как образующими сознания. Чтобы существовал сознательный образ, субъектом должна производиться определенная «работа» (например, микродвижения глаз в ходе визуального восприятия предмета), которая, однако, заслоняется от сознания объективируемым в процессе этой работы предметным содержанием. Эта «работа» и может рассматриваться как феноменальная ткань образа, «цементируемая» предметным значением.

Еще раз подчеркнем: чтобы что-то воспринимать или осознавать, необходимо осуществлять определенную «работу», необходимо в буквальном смысле *прощупывать* реальность. Но воспринимаемым содержанием оказывается при этом не движение наших «органов», не сама наша «работа», а объект, на который эта «работа» направлена. Форма объекта выступает как форма этой «работы» (форма деятельности) и, тем самым, «цементирует», упорядочивает ее (процесс «живет» в образе в снятом виде). Здесь следует оговориться: беря слово «орган» в кавычках, мы имеем в виду не органы восприятия в физическом смысле, а ментальные конструкции или схемы разной степени сложности, которые можно трактовать как формы активности субъекта. Восприятие всегда опосредствовано активностью соответствующих «органов»; в случае человеческого, сознательного восприятия в качестве таких «органов» или средств выступают созданные и интериоризованные человеком конструкции, различные компоненты или слои его образа мира (т.е. его

системы ожиданий) – сенсомоторные схемы, предметные и вербальные значения, повседневные и научные теории, мифы.

Отсюда следует, что сознание можно представить как многоуровневую систему средств категориального «прощупывания» мира (или средств объективации). В качестве таких средств можно рассматривать сенсомоторные схемы, предметные и вербальные значения, образ мира, язык, систему «профанных» и научных знаний. Принципиальное значение имеет здесь не столько сама идея многоуровневой организации системы категорий (ср., например, теорию Э. Рош), сколько возможность «прочтения» этой идеи в рамках деятельностного подхода и описание взаимодействия между уровнями.

Неоднозначность, противоречивость, неопределенность на одном уровне сознания снимается путем задействования средства более высокого уровня. Иными словами, форма активности, задаваемая тем или иным средством сознания, является правилом, которому подчиняется «движение» средств низшего уровня (как форма предмета, ощупываемого рукой, подчиняет себе движения руки). Например, научная теория формулируется на основе фактов (их «движение» – это и есть феноменальная ткань данного уровня), но в то же время она задает для исследователя способ их обнаружения и «фильтрует» исключения. Аналогичным образом, вербальное значение является результатом превращения формы предметных отношений, но в то же время само служит для контроля над предметной деятельностью. Наконец, предметное значение строится на базе сенсомоторной активности, но в то же время «снимает» ее – и потому человек воспринимает предмет (константно), а не активность своих органов восприятия (в этом состоит упомянутая инертность образа). Однако и наоборот, «движение» на низшем уровне способно всколыхнуть верхние слои, вызвать их поломку или перестройку (чувство тревоги способно опредметиться в иллюзии и галлюцинации; нарушение ожиданий в рамках научной теории может привести к переосмыслению теоретических установок).

Механизмы функционирования мифа

В некоторых ситуациях объективируемыми оказываются сами средства сознания и восприятия: для восприятия средства как объекта должны, опять-таки, задействоваться другие средства, форма которых будет подчиняться форме этого объекта-средства. Конструкции, которые в одних случаях выступают как средства или «органы» восприятия, а в других – как воспринимаемые объекты, мы называем *объектами особой плотности*. Рассмотрим примеры.

По словам Р. Барта, наделить знак двусмысленностью – значит придать ему затрудняющую его восприятие плотность [1, с. 63]. Именно плотность (знака или сообщения) побуждает воспринимающего к различным толкованиям, требуя от него *усилия интерпретации* (это описано как эффект *дезавтоматизации* восприятия). Сообщение, оставляющее меня в недоумении, – это «такое сообщение, на которое я смотрю, соображая, *как оно устроено*» [14, с. 100]. Эстетическое сообщение неоднозначно по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код: «С того мига, как начинает разворачиваться игра чередующихся и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, *произведение искусства побуждает нас переключать внимание на код и его возможности*» [14, с. 118].

Подобная ситуация может быть прослежена и в ходе развития научного знания: «...всякое объективное знание служит людям дважды — сначала как объяснение окружающей реальной действительности, а затем в качестве средства, метода при решении тех или иных проблем. Фактически любая научная теория выполняет методологические функции, когда она используется за пределами ее собственного предмета, а научное знание в целом играет роль методологии по отношению к совокупной практической деятельности человека. <...> В развитии каждой науки наступает период, когда в ней система знания начинает “давать перебои”, перестает “работать” с прежней безотказностью. В системе знания обнаруживаются парадоксы. Их возникновение является первым сигналом к анализу самого знания, т.е. к методологическому анализу процесса получения знания» [15, с. 34-35].

Эффект объективации средства демонстрируется и на примере восприятия мифа (в бартовском смысле). Мифическое сообщение всегда является неоднозначным, оно сродни окну, глядя в которое, можно воспринять либо стекло, либо пейзаж за стеклом: «...миф – это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа. ...значение мифа представляет собой некий непрерывно вращающийся турникет, чередование смысла означающего и его формы, языка-объекта и метаязыка, чистого означивания и чистой образности. Это чередование подхватывается концептом, который использует двойственность означающего, одновременно рассудочного и образного, произвольного и естественного» [1, с. 88]. Объективация мифа необходима для его трансляции в виде феномена сознания. Но подлинная жизнь мифа разыгрывается не в ходе его объективации и трансляции, а лишь тогда, когда он сам служит средством объективации и трансляции чего-либо другого. Невозможность сцепить в едином рефлексивном акте взгляд на миф и взгляд посредством мифа нам представляется его существенной характеристикой.

Таким образом, средство объективируется, когда система ожиданий оказывается нарушенной: как слепой обращает внимание на палку, когда она начинает двигаться непредсказуемо, так и интерпретирующий сообщение обращает внимание на код, если интерпретация вызывает у него затруднения. Однако этот простейший, казалось бы, путь снятия противоречия требует «включения» еще двух сопряженных процессов. С одной стороны, чтобы «орган» воспринимался как объект, должна производиться определенная «работа», должен идти процесс, как бы покрываемый образом этого нового объекта. С другой стороны, сама объективация «органа» создает противоречие нового уровня, которое тоже требует своего снятия; объективация сама выступает как процесс, который требует фиксации, «цементирования» новыми средствами — например, противоречие на уровне визуального ряда может быть снято, разрешено словесной формулировкой. Таковы сложные взаимопереходы между *образом* и *процессом*, осуществляющиеся *на разных уровнях сознания*.

Принципиальная осуществимость взаимопереходов между образом и процессом и *снятия* процесса в образе (или «жизни» одних слоев сознания в других) допускает возможность трансляции реципиенту сообщений одновременно или поочередно на разных уровнях (например, предметном, вербальном), а также одновременно на уровне процесса (запуск поисковой активности) и образа (снабжение «готовой» интерпретацией). Эти механизмы играют существенную роль в функционировании мифа.

Исходя из сказанного, в качестве мифа можно рассматривать устойчивую систему знаний/ожиданий, которая не может стать *объектом* сознания в тот момент, когда выступает в качестве его *средства*. Миф не рефлексивен; рефлексия выступает как способ его разрушения, демифологизации. Иначе говоря, когда мы определяем миф как «миф» (например, называем мифом древние сказания), мы уже не находимся «внутри» данной системы знаний/ожиданий, она уже не является для нас способом посмотреть на вещи; напротив, мы смотрим на нее саму как на некую диковину или объект для изучения.

Такая трактовка мифа требует отграничения категории мифа от категории образа мира. Очевидно, что эти категории очень близки. Те или иные компоненты образа мира могут функционировать в качестве мифа тогда, когда они не поддаются сознательной рефлексии. Так что искомое отграничение может быть лишь функциональным: образ мира, согласно А.Н. Леонтьеву, доступен для сознательной рефлексии; подлинная жизнь мифа разыгрывается тогда, когда он рефлексии не подвергается. Функцию мифа могут выполнять любые компоненты образа мира.

Профессиональный образ мира и профессиональный миф

Образ мира «многомерен, как сам мир». Он может быть фрагментарным (ситуативным) или целостным (глобальным) [8, с. 269]. Соответственно, можно говорить о профессиональном образе мира как «срезе» глобального образа мира. В наиболее широкой трактовке профессиональный образ мира понимается как «интегрированная

характеристика системной организации, включающей в себя человека, его жизненный мир и сам образ жизни, преобразованный профессией» [7, с. 26]. И.В. Сергеева предлагает различать следующие компоненты профессионального образа мира: мотивационно-потребностный, ценностный, когнитивный, рефлексивный [12].

Если общение – это внесение коррекции в образ мира собеседника, а усвоение языка – это переход на новый образ мира [8, с. 272], то формирование профессионального образа мира должно быть связано с усвоением профессионального языка. Подчеркнем, что «усвоение» в данном случае – это не просто овладение языком как таковым, но прежде всего овладение формами предметной деятельности, стоящей «за» языком.

Уточнение связи между языком и образом мира позволяет говорить о профессиональном *языковом* образе мира. Так, показано, что становление профессионального языкового образа мира можно анализировать по формированию лексической структуры профессионального языка [11].

В отличие от профессионального образа мира, профессиональный миф можно связать прежде всего с имплицитными, в явном виде не артикулируемыми знаниями. Поэтому понятие «профессиональный миф» в широком смысле должно быть близко к понятию научной парадигмы в определении Т. Куна, рассматривавшего парадигму как совокупность способов взгляда на вещи и интерпретации фактов, разделяемых научным сообществом и не поддающихся рефлексии. Артикулированными могут быть лишь компоненты профессионального мифа (таковым, например, является известный в истории науки постулат «Камни с неба падать не могут»). Здесь сразу необходимо подчеркнуть, что определение совокупности установок, ценностей, знаний как мифа принципиально не означает ошибочности этих знаний, установок и ценностей. Научное знание функционирует как миф в тот момент, когда оно не оценивается рефлексивно. Речь, конечно, может идти не только о научных мифах, но о мифологических аспектах образа мира любого профессионального сообщества.

И.В. Исмагилова рассматривает профессиональный миф как смысловую форму организации личностного опыта, конституирующую субъективную реальность человека в личностном и профессиональном контексте. По ее мнению, личностный профессиональный миф выполняет следующие функции: аксиологическую (отвечает потребности ценностного самоопределения личности), телеологическую (связана с определением целей и смыслов деятельности и жизни человека), познавательную (на основе осознанного познавательного интереса оформляется рефлексивное осмысление личной и профессиональной жизнедеятельности), прогностическую (связана с конструированием субъективной реальности человека). Опорными точками мифа автор называет ценности, на основе которых формируется мотивация выбора человеком будущего (личностного и профессионального) [6]. В данном случае, как мы видим, речь идет об усвоении системы ценностей и взглядов профессионального сообщества, которая отчасти может быть объективирована.

В качестве составляющих профессионального мифа могут функционировать различные слои сознания. Достаточно часто объектом исследования в связи с этим становится система вербальных значений, трактуемая как профессиональный язык или язык определенной профессиональной группы (например, язык медиков, программистов, юристов, психологов и т.д.). Для исследователя профессиональный язык выступает в нескольких формах: как совокупность профессиональных текстов, как семантическое пространство и др.

Другим объектом рассмотрения может быть система предметных значений, для изучения которой психология и психолингвистика имеют целый арсенал средств. Косвенным образом эта система изучается при помощи методик семантического дифференциала, различных видов ассоциативных экспериментов и т.п., более прямой путь изучения нацелен на выявление предметных форм в рамках предметной деятельности (восприятия, воспоминания, воображения, манипулирования с предметами).

Мифологические аспекты профессионального общения

Говоря о мифологических аспектах общения в профессиональной среде, мы имеем в виду в первую очередь формирование, поддержание и трансляцию профессиональных мифов. По мере усвоения профессионального языка и формирования профессионального образа мира происходит не только формирование, но также поддержание и трансляция профессионального мифа.

Профессиональное общение предполагает наличие социальной группы, включенной в ту или иную (профессиональную) деятельность. Представители этой социальной группы (в простом случае – трудового коллектива) общаются как между собой, так и с представителями других социальных групп (вовлеченных в другие виды профессиональной деятельности). Соответственно, общение может быть *внутригрупповым* и *межгрупповым*. Поэтому одной из интересных задач современной психолингвистики является анализ того, как представители разных профессий общаются и понимают друг друга. Кроме того, можно выделить и *надгрупповое* общение, т.е. обращение представителей той или иной профессии к максимально широкой аудитории, связанное с адаптацией языка (один из ярких примеров в этом плане представляет собой популярный медицинский дискурс).

По всей видимости, условия для естественной объективации профессионального мифа возникают именно в тех случаях, когда происходит меж- и надгрупповое общение, т.е. общение организуется между представителями разных профессий либо между профессиональной группой и широкой аудиторией. В качестве особой формы надгруппового общения можно рассматривать педагогическую деятельность. Можно утверждать, что в ходе этой деятельности, по мере формирования у учащихся профессионального образа мира, надгрупповое общение трансформируется во внутригрупповое. Соответственно, изменяется и форма трансляции профессионального мифа: от этапа *естественной объективации* (когда миф не функционирует как таковой, но усваивается как изначально внешняя, поддающаяся рефлексии система знаний и ожиданий) учащиеся переходят к этапу *скрытой трансляции*

мифа как хорошо усвоенного способа восприятия реальности. Так проясняется сформулированная выше идея о том, что формирование и трансляцию мифа можно анализировать исходя из представлений о диалектическом отношении «образ – процесс».

Особым примером функционирования профессионального мифа является психотерапевтическая практика. В некоторых направлениях психотерапии (таких, как психоанализ и когнитивно-поведенческая терапия) процесс работы с клиентом подразумевает усвоение им особой формы языка. Например, клиент обучается понимать и употреблять термины «вытеснение», «бессознательное», «комплекс» или «автоматические мысли», «глубинные установки», «концептуализация» и т.д. Введение в поле терапевтического языка оказывается для клиента формой инициации; клиент, тем самым, становится и носителем терапевтического мифа (неслучайно поэтому будущие психотерапевты сами должны проходить терапию). Этот процесс напоминает педагогическую деятельность: как там, так и здесь одна форма общения, требующая объективации мифа (разъяснения, дидактики), постепенно заменяется другой, подразумевающей уже имплицитную трансляцию усвоенной системы знаний и ожиданий. В этом заключается глубинная двойственность психотерапевтической практики: она одновременно является мифологизацией и демифологизацией, она создает и поддерживает терапевтический миф (как систему ожиданий и убеждений клиента, хотя бы отчасти недоступную для его рефлексии), но разрушает дисфункциональные убеждения и установки, развенчивает повседневные «мифы» клиента [4].

Заключение

Мы рассмотрели категории «профессиональный образ мира» и «профессиональный миф» и наметили путь их разграничения. Проведенный теоретический анализ мифологических аспектов профессионального общения показывает, что функционирование профессионального мифа можно изучать с опорой на идею А.Н. Леонтьева о диалектической противоположности образа и процесса. В качестве мифа

выступает такая система знаний и ожиданий (в т.ч. связанных с профессией), которая в момент общения не подвергается сознательной рефлексии. Однако в ходе усвоения профессионального мифа необходима частичная его объективация (что и происходит при овладении профессиональным языком). Педагогическую деятельность можно рассматривать как постепенный переход от надгруппового общения (когда представитель профессии обращается к людям, не являющимися носителями данного профессионального образа мира и профессионального мифа) к внутригрупповому (т.е. общению внутри профессиональной группы).

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

2. *Вдовиченко А.В.* «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели»: проект, смыслообразование, общение // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 50-61.

3. *Журавлев И.В., Журавлева Ю.В.* К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3 (33). С. 48-61.

4. *Журавлева Ю.В.* Мифологическое мышление и процесс психотерапии // Актуальные проблемы гуманитарных наук в работах молодых исследователей. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2015. С. 130-135.

5. *Зинченко В.П.* От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 140-149.

6. *Исмагилова И.В.* Формирование смысло-ценностных основ профессионального самоопределения студентов ссуза. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Тюмень, 2006.

7. *Краснорядцева О.М.* Психологический механизм «вписывания» информации в профессиональный образ мира // Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика (к 100-летию А. Н. Леонтьева). М., 2003. С. 80–83.

8. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

9. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.

10. *Мыскин С.В.* Психолингвистическая модель профессионального самоопределения личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 4 (23). С. 114-124.

11. *Мыскин С.В.* Формирование профессионального языкового образа мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 122-129. ISSN 1997-291

12. *Сергеева И.В.* Профессиональный образ мира, его формирование у студентов дефектологических специальностей в процессе обучения в педагогическом вузе // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 1 (91). С. 119-122.

13. *Смирнов С.Д.* Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 149-155.

14. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.

15. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

References

1. *Bartes R.* Izbrannye raboty. Semiotika. Poehtika [Selected works. Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 1989. 616 s.

2. *Eco U.* Otsutstvuyushhaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Absent structure. Introduction to semiology]. SPb.: «Simpozium», 2004. 544 s.

3. *Ismagilova I.V.* Formirovanie smyslo-tsennostnykh osnov professional'nogo samoopredeleniya studentov ssuza. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk [The formation of meaning-value foundations of professional identity of students of College. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of pedagogical Sciences.]. Tyumen', 2006.

4. *Krasnoryadtseva O.M.* Psikhologicheskij mekhanizm «vpisyvaniya» informatsii v professional'nyj obraz mira [Psychological mechanism of "fitting" information into the professional world image] // Teoriya deyatel'nosti: fundamental'naya nauka i sotsial'naya praktika (k 100-letiyu A. N. Leont'eva). M., 2003. S. 80–83.

5. *Leontyev A.N.* Stanovlenie psikhologii deyatel'nosti: Rannie raboty [Formation of psychology of activity: Early works]. M.: Smysl, 2003. 439 s.

6. *Leontyev A.A.* Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. M.: Smysl, 1997. – 287 s.

7. *Myskin S.V.* Formirovanie professional'nogo yazykovogo obraza mira [Formation of professional linguistic image of the world] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 5 (47): v 2-kh ch. CH. II. C. 122-129. ISSN 1997-291

8. *Myskin S.V.* Psikholingvisticheskaya model' professional'nogo samoopredeleniya lichnosti [Psycholinguistic model of professional self-determination of personality] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. YAzykoznanie. 2014. № 4 (23). S. 114-124.

9. *Sergeeva I.V.* Professional'nyj obraz mira, ego formirovanie u studentov defektologicheskikh spetsial'nostej v protsesse obucheniya v pedagogicheskom vuze [Professional image of the world, its formation at students of defectological specialities in the training process in a pedagogical University] // Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 1 (91). S. 119-122.

10. *Smirnov S.D.* Ponyatie «obraz mira» i ego znachenie dlya psikhologii poznavatel'nykh protsessov [The Concept of "world image" and its importance

for psychology of cognitive processes] // A.N. Leontyev i sovremennaya psikhologiya (Sbornik statej pamyati A.N. Leontyeva). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. S. 149-155.

11. *Vdovichenko A.V.* «Razrabotka kommunikativnoj modeli verbal'nogo processa v uslovijah krizisa jazykovoj modeli»: proekt, smysloobrazovanie, obshhenie ["Development of the communicative model of verbal process in the conditions of the crisis of the language model": project, sense-production, communication] // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2017, № 2(32), pp. 50-61.

12. *YUdin EH.G.* Sistemnyj podkhod i printsip deyatel'nosti: Metodologicheskie problemy sovremennoj nauki [The systemic approach and the principle of activity: Methodological problems of modern science]. M.: Nauka, 1978. 391 s.

13. *ZHuravlev I.V., ZHuravleva YU.V.* K postroeniyu kommunikativnoj modeli rechevogo protsessa: metodologicheskie problemy [Building a communicative model of verbal process: methodological problems] // Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2017. № 3 (33). S. 48-61.

14. *ZHuravleva YU.V.* Mifologicheskoe myshlenie i protsess psikhoterapii [Mythological thinking and the process of psychotherapy] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk v rabotakh molodykh issledovatelej. M.: MGI im. E.R. Dashkovoj, 2015. S. 130-135.

15. *Zinchenko V.P.* Ot genezisa oshhushhenij k obrazu mira [From the genesis of sensations to a world image] // A.N. Leontyev i sovremennaya psikhologiya (Sbornik statej pamyati A.N. Leontyeva). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. S. 140-149.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ / DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHO-LINGUISTICS

Романов А.А.,
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики
Тверского государственного университета
e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Романова Л.А.,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации
Тверской ГСХА
e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ КОНСТРУКТ МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТУННЕЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Сознание отображает себя в слове,
как солнце в малой капле вод.
Л.С. Выготский

В статье рассматривается «регулятивный механизм» распространения и внедрения информационно преобладающих («вирусных») коммуникативно-конструктивных практик в медийное пространство. Предложены модели расширенной и суженной направленности информационного воздействия «веерного сдвига» фокусировки («окна») дискурса как комплексной технологии коммуникативно-дискурсивной манипуляции. Авторы приходят к выводу, что ведущая роль коммуникативно-информационного компонента в структуре общества обусловливается его опорой на реляционные свойства и регулятивную сущность своих посланий.

Ключевые слова: дискурс-конструкт, коммуникативный конструкт, сценарный знак-конструкт, модель регулятивного пространства дискурсивных практик, «окно» дискурса, регулятивная интеракция, туннельный знак-конструкт, туннельная дискурсивная реальность, функционально-семантическое представление.

A. Romanov, L Romanova

FUNCTIONAL-SEMANTIC REPRESENTATION AS THE REGULATIVE CONSTRUCTION OF MENTAL REPRESENTATION OF TUNNEL LOCALIZATION OF LANGUAGE SIGN

The article deals with the "regulative mechanism" of dissemination and implementation of information-dominant ("viral") communicative constructive practices in the media space. A series of models of expanded and narrowed informative influence direction of the "fan shift" of discourse ("window") focusing as the complex technology of communicative-discoursive manipulation are proposed. The authors conclude that the leading role of the communicative and informative components in the structure of society is determined by it's reliance on the relational properties and the regulatory nature of messages.

Key words: discourse-construct, communicative construct, scenary sign-construct, model of regulative space of discoursive practices, "window" of discourse, regulative interaction, tunnel sign-construct, tunnel discoursive reality, functional-semantic representation.

В работах Тверской лингвистической школы регулятивной интеракции, выполненных в русле когнитивно-дискурсивного подхода к описанию «регулятивного механизма» распространения и внедрения «вирусных» или информационно преобладающих коммуникативно-конструктивных практик в ментальное пространство социума, которые способны увеличивать потенциал информационного влияния, превосходства, преобладания и даже массированного давления с целью изменения в собственных интересах субъекта информационного доминирования и получения собственной бенефициарности от результатов запланированного восприятия массовым адресатом окружающей (создаваемой) реальности, отмечается, что конструирование смыслов и их ретрансляции посредством развитой системы публичных коммуникативных посланий приобретает сегодня все бóльшую значимость в самых разнообразных контекстах и сценариях социального

взаимодействия – от медийной пропаганды, различных глобальных информационных противостояний, противоборств, конфликтов и «войн» до «языка» власти.

Когнитивно-дискурсивный подход к «динамическому моделированию регулятивного пространства диалогического vs дискурсивного взаимодействия» [10] предоставляет возможность рассматривать процесс быстрого и эффективного распространения «*срежиссированной*» – то есть постановочной в соответствие с замыслом «режиссера» и, следовательно, заранее сконструированной, придающей по своему усмотрению, замыслу, плану и желанию событиям, фактам, явлениям целенаправленные валентно - конфигурационные очертания и соответствующие субъективные оценки – *дискурсивной реальности*, способной посредством информационных посланий (слов, сообщений, коммуникативно-дискурсивных практик) создавать возможности и условия реализации незаметного (скрытного) внедрения в массовое сознание «вирусных» идей, установок и ценностей, «прошивающих насквозь» и разрушающих привычные жизненные уклады, национально - культурные устои, шаблоны и языковые паттерны.

В рамках динамической модели пошаговой (постепенной, согласованной, кооперативной, т.е. синергийной) реализации регулятивного пространства дискурсивного взаимодействия, организованного его участниками по принципу *совместного* векторного погружения в *гиперфреймовую организацию туннельных сценариев* дискурсивной локализации в пределах (границах) социального континуума типовых или конкретных функционально-семанти-ческих представлений (ФСП), осуществляется «внедрение» (функционально-прагматическое использование) информационных посланий (дискурсивно-коммуникативных практик) в массовое сознание с целью «результативного переформатирования контрарно противопоставленных или контрарно противопоставляемых оценок общественного мнения с негативных и даже абсолютно неприемлемых на позитивные и возможные», чтобы описываемые или передаваемые события (данные, сведения, факты) могли приобретать «спектаклеобразную» форму [16; 17; 25; 26; о спектакле как «общественном отношении между людьми,

опосредованном образами, как наличной модели преобладающего в обществе образа жизни» см.: 3, с. 4-6].

Схематически такую гиперфреймовую туннельную организацию в виде функционально-семантического представления (ФСП) взаимодействия в рамках типового дискурса-конструкта (например, *утверждения, описания*, *обвинения*, *констатации* и т.п.) можно представить в качестве согласованного набора последовательных чередований соответствующих дискурсивных интерактивных цепочек:

Утверждать (Г, С, р) – – УПС → р – любое;

Утверждать (Г, С, р) – – А-1 → демонстрировать (Г, истинно (р);

Утверждать (Г, С, р) – – А-2 → предполагать (Г, не утверждать (Г, С, р) → не знать (С, существовать (р))));

Утверждать (Г, С, р) – – УГ → верить (Г, истинно (р));

Утверждать (Г, С, р) – – УИ → ручаться (Г, истинно (р));

Утверждать (Г, С, р) – – УОД → намереваться (Г, каузировать (Г, становиться (знать (С, р)))).

В предлагаемой записи символ р обозначает пропозициональное содержание дискурсивно-коммуникативной практики или совокупности набора практик, УПС – условия пропозиционального содержания, А-1, А-2 и А-n – дополнительные условия дискурсивной локализации в пределах социального континуума, УИ – условия иллокутивного содержания, УГ – условия отправителя или автора дискурсивно-коммуникативных практик, УОД – условия ожидаемого действия или результирующего эффекта, Г и С – участники дискурсивного взаимодействия: отправитель и получатель, адресат. Знак ^ читается как «включает», а стрелка читается как «следует».

Предварительные условия функционирования данного прагматического типа фреймовой конфигурации таковы: **а**) принцип коммуникативной заинтересованности – любой, **б**) сотрудничество – любое, но при большей заинтересованности инициатора (говорящего, автора, отправителя, «режиссера»), **в**) отношения между участниками – любые. *Кодекс доверия* обусловливает принятие истинности утверждения со стороны адресата, т.е. получатель (слушающий) доверяет говорящему настолько, чтобы считать его утверждение истинным.

Важно иметь в виду, что туннельные организации дискурсивного взаимодействия практически похожи друг на друга по типовым интерактивным цепочкам, но могут отличаться друг от друга специфическими условиями реализации иллокутивных показателей (маркеров) фреймообразующих вершин ФСП. Так, в частности, дискурсивное взаимодействие в пределах коммуникативного «туннельного» знака-конструкта «*обвинение*» или «*упрек*» будут иметь сходный набор интерактивных цепочек векторной направленности переформатирующего погружения с выше обозначенным сценарием типового дискурса-описания или «утверждение», ср.:

Упрекать (Г, С, р) – – УПС → фактуализация (р);

Упрекать (Г, С, р) – – А-1 → предполагать (Г, быть в состоянии (С, воспринимать (оценивать (С, быть сопричастным (– С, р)))));

Упрекать (Г, С, р) – – А-2 → предполагать (Г, [не упрекать (Г, С, р) → не желать (Г, воспринимать (– С, р)))]);

Упрекать (Г, С, р) – – УГ → желать (Г, воспринимать (– С, р));

Упрекать (Г, С, р) – – УИ → ручаться (Г, желать (Г, воспринимать / оценивать (– С, р))));

Упрекать (Г, С, р) – – УОД → намереваться (Г, каузировать (Г, становиться / воспринимать (С, быть сопричастным (С, быть сопричастным (– С, р))))).

Дополнительные условия группы (А, А-1... А-n) в *упреках* и *обвинениях* следующие: ***а)*** принцип коммуникативной заинтересованности – в пользу говорящего / отправителя, ***б)*** сотрудничество – любое, но при полной заинтересованности говорящего / отправителя, ***в)*** отношения – любые: от равноположенных до антагонистических или зависимых: ср. у И.А. Крылова: «У сильного *всегда* бессильный виноват». *Кодекс доверия* – любой, практически от полного доверия до полного недоверия; выбор кодекса доверия напрямую не зависит от того, являются ли представленные доказательства реальными, фактическими или вербально-доксальными, медийными. Случаи, когда, например, упрек служит каузатором реализации другой иллокутивной функции здесь не рассматриваются [подробнее о специфике реализации

типовых ФСП см.: 9; 10, с. 28-68; 15, с. 106-116; также см.: 21; 22; 29; 32; 33; 38; 39].

Интерактивно-дискурсивная реальность, созданная такими и подобными им актами реальной дискурсии, есть продукт инфо-социальной сферы (социального коммуникативного пространства), где дискурс выполняет функционально-инструментальную, орудийную роль некоторого сконструированного формата, своего рода «окна», сквозь которое и в пределах которого проходит авторская информация к потребителю, а вместе с ней и предлагаемая, «срежиссированная» автором оценка вербально-коммуникативного события, созданного (или создаваемого) дискурсом как стимулом (раздражителем) с соответствующей реакцией. В этом плане дискурс как «стимул - раздражитель», по Выготскому, «становится психологическим орудием в силу использования его как средства воздействия на психику и поведение» [2, с. 106-107].

При помощи дискурсивных практик как вербальных «психологических орудий и их сложных систем», включая «язык, мномотехнические приспособления, алгебраическую символику, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.» [2, с. 103], создается информационная сфера (инфосфера) в качестве «новой территории, открытой для человеческого взаимодействия, расширения экономики и, в особенности, для социальных и политических махинаций» [8, с. 9] с определенной векторной направленностью, для того чтобы осуществлять «веерный сдвиг окна дискурса» [16; 18; 19; 22: 25; 26].

В указанном смысле векторная направленность конкретного «веерного сдвига окна» дискурсивно-коммуникативных практик служит определенным навигатором, указывающим участникам регулятивного взаимодействия направление совместного продвижения по «оси движения дискурса» в рамках сценарного знака-конструкта (см. выше схемы практик-цепочек типовых ФСП), чтобы путем дальнейшей медийной раскрутки (информационных атак, интервенций) реально предложенная отправителем для внедрения и имплантирования совокупность означающих форм-практик могла служить основанием (основой) для расширения (векторная модель Б) или сужения (векторная

модель А) набора их *параметров мерности* (т.е. конкретного тематического и семантического объёма «*окна дискурса*» или «*дискурсивного окна*»), окунаясь в которую (т.е. в совокупность форм-практик), адресат как говорящий субъект смог бы *восполнять* (интерпретировать, оценивать, объяснять) *на свой лад* (т.е. на основе собственной системы имеющихся – аноэтических, ноэтических или аутоноэтических – знаний:) наличие или *фиксировать* отсутствие предметной соотнесённости пропозиционального содержания с планом выражения форм-практик и *верить* в своё объяснение.

Параметры мерности – это дифференциально-значимые (семантические) признаки, которые контрарно представлены на горизонтальной (временной) оси дискурсивно-интерактивного пространства туннельного знака-конструкта, – например, «*обвинение*», «*упрек*», «*угроза*», «*утешение*» – в субъективно-оце-ночных величинах, находящихся в пределах от диаметрально противоположных до возможных, приемлемых, неприемлемых или абсолютно нейтральных. Расположенные на временной оси значения дискурсивного взаимодействия параметры мерности находятся в зависимости от направления движения отправителя и адресата в интерактивном пространстве туннельного дискурса-конструкта «обвинение», а именно от движения с нейтральной точки (зоны) под названием «*действующая* (зафиксированная, принятая в данном социальном окружении) *норма*» в левую или в правую стороны. Движение влево или вправо по линии объёма (шкалы) от нулевой (нейтральной) точки оси дискурса, представляющей *действующую норму* ментального состояния в социуме, может каузировать (быть причиной) или просто продуцировать ***череду*** *последовательно возрастающих* или *понижающих* ***оценок*** этой нормы в обществе в пределах их веерного сдвига: «*стандартно – разумно – приемлемо – допустимо – необычно* (*неслыханно*, *радикально*, *на грани допустимого*) – *немыслимо*» (ср. ступени выражения эмоциональных установок в [11, с.156-170]). Пределы такого веерного сдвига будут отражать *степень* свободы или несвободы их распространения и соответствующей приемлемости или неприемлемости в социуме:

бóльшую, если двигаться влево по линии объёма или шкалы, и *мéньшую* (понижающую), если двигаться вправо.

Движение участников интерактивного обмена в том или ином направлении по оси дискурса в пределах выбранной (предложенной инициатором) очередности оценок объёма (т.е. шкалы) мерностей туннельного дискурсивного конструкта демонстрирует *мерное перемещение* – от возможного до потенциального или потенциально возможного, в соответствии с предлагаемой (или уже предложенной) и принятой (т.е. уже закрепленной) в ментальности социума мерой – *пространства дискурса*, т.е. перемещение его «*окна действий*» (вербальных операций, суждений, посланий в виде коммуникативных практик, видеосюжетов, фотографий, карикатур и т.п.) или «*границы окна*» как дискурсивного пространства, в которое участники вместе или каждый по отдельности могут самостоятельно входить или не входить (погружаться или не погружаться), чтобы по степени выбранной ими приемлемости своих действий и действий другого (т.е. действий отправителя и получателя, адресата) интерпретировать и оценивать их по шкале «*принимаю*» или «*не принимаю*» в качестве руководства к действию (см. подробнее в [11, с. 156-170; 17; 18; 19; 21, с. 48-82; 22; 31; 32]; термин «окно» как фокусировка «определенного значения» в одном и том же «тагмемном окне (seat)» заимствован у К. Пайка [7, с. 14, 19]).

Коммуникативный дискурс-конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» [5, с. 228], это контрарный тип отношения «мерностей» на протяжении семантического объёма его как «туннельного» знака. В этом процессе (т.е. в трактовке и оценке, в реализации мерности) отправной точкой является сам *человек* как *когнитивный агент* независимо от его коммуникативной роли, который *самостоятельно производит отсчет для себя*, *для своей деятельности* и *для выработки ориентационных форм поведения*. В данном процессе человек, оказавшийся погруженным в пространство (границы) дискурсивного окна, воспринимает через «туннельный» знак «внешнее» (окружающий мир) через «внутреннее» (свое сознание и осознание), причем границы образа мира и образа себя, включая

модальности своего *Я*, в этом мире становятся уже достаточно подвижными [см.: 21; 22; 26; 27; 28; 31; 32; 33; 38; 39].

Во взаимодействии с предложенными со стороны отправителя инициативными дискурсивными практиками-оценками, включающими в своё содержание те или иные параметры мерности по оси дискурса, адресат творит (создает) для себя свою дискурсивную реальность, убеждая себя в том, что *существует то*, *что* или *о чем говорят*, и размещает себя в этой реальности в пределах своей веры и параметров мерности о субъективной предметности либо с учетом наличия предложенных форм самих дискурсивных практик (т.е. с учетом наличия их планов выражений), либо с учетом наличия собственной интерпретации, знаний, оценки и установки, не утруждая себя подкреплением своей субъективной позиции процедурой возможного верифицирования этих практик. Поэтому он просто полагается только на веру (или исходит из веры) в то, что высказанное (или выраженное) в предлагаемом формате («окне») дискурса и есть для него фактуальность [17; 18; 19].

Формирование конкретной направленности «окна» («границ») дискурсивной реальности осуществляется в процессе наведения (т.е. в момент взаимодействия «я – здесь – сейчас» между отправителем и адресатом) нужного параметра мерности (т.е. в процессе *веерного сдвига*) в совместную общую «информационно-тематическую территорию» (дискурсивную инфосферу), что позволяет не только контролировать протекающие в ней самой процессы, но и дискурсивно оказывать активное влияние на восприятие (массовым) адресатом предлагаемой дискурсивным «окном» оценки создаваемой реальности со всеми особенностями диапазонов выработки решений и установки «участвовать – не участвовать», «принимать – не принимать», а также «суживать» или «расширять» векторную направленность семантико - тематического пространства матричных констант моделей А и Б [24; 26; 27; 28].

В этом плане дискурс предстает, по выражению Л.С. Выготского, «психологическим орудием системы средств формирования человеческого сознания». И в данном качестве – в качестве «орудийного» элемента инфосферы – дискурс оказывается «включенным в процесс

поведения» массового адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации и способен «видоизменять всё протекание и всю структуру психических функций» такого потребителя, «определяя своими свойствами строение нового ... искусственного (сконструированного или «срежиссированного», сказали бы мы иначе – А.Р., Л.Р.) ... инструментального акта» [2, с. 103-104], т.е. каузатора внедрения и дальнейшего распространения «вирусного» объема окна дискурсивной реальности в инфосферу. Примечательно, что эти «искусственные (инструментальные) акты ... суть те же естественные», которые «могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним» [там же]. При этом важно иметь в виду, что в инструментальных (созданных и создаваемых) актах «искусственной является комбинация (конструкции)» и «направленность, замещение и использование этих естественных процессов», а их *функциональная специфика* базируется на использовании других – не прямых – ассоциативных («условнорефлекторных») связей, которые уже обусловлены применением «психологического орудия», хотя и «ведут к тому же результату, но другим путем» [2, с. 104]. В свете таких «не прямых ассоциаций» и «условнорефлекторных связей» действия инициатора по «веерным сдвигам» могут быть приравнены к *манипулятивным* (спин-докторинговым) *действиям*, т.е. действиям, направленным на изменение психологических установок, ценностных ориентаций, поведения индивидов и целых аудиторий *независимо от их желания*, отличающихся скрытым характером воздействия. Одновременно при этом сокрытию подвергаются не только цели, интересы или намерения манипулятора, но также и сам факт их возможного наличия.

Манипулятивный механизм «веерного сдвига», смены «рамок допустимого» и «возможного» в пределах создаваемой дискурсивной реальности с целью продвижения в массовое сознание необычной, немыслимой идеи есть *последовательность* таких действий-оценок по «оси дискурса», постепенное исполнение которых в рамках туннельного дискурсивного конструкта, начиная от *немыслимых* к *радикальным*, а затем к *приемлемым* и *разумным* и, наконец, к *стандартным* и *нормативным*, неизбежно приведет к запланированному (желаемому,

ожидаемому) результату, а именно – общество смирится с этими оценками и примет их сначала в качестве *допустимых*, а затем и в качестве *нормативных*.

При этом важно учесть, что каждый «веерный сдвиг» (этап) дискурсивных рамок «допустимого» и «возможного» требует применения своих конкретных, в том числе и спин-докторинговых, коммуникативных технологий, к разряду которых можно отнести следующие:

– технология «*информационного вброса* и последующей *массированной раскрутки во всех СМИ*» (главным образом, на телеканалах и ведущих печатных изданиях) с целью фокусировки «определенного окна» и в «определенном значении», в терминологии К. Пайка [7, с. 14, 19], в качестве *главной информационной темы*,

– технология «*квазинаучного» обсуждения*» (диспуты, семинары, конференции, всевозможные ток-шоу),

– технология «*подмены подлинного названия идеи*» с целью увести суть проблемы от её обозначения, например, вместо переворота – «революция достоинства», «революция роз» или какие-либо иные названия типа «бархатная революция», вместо запрещенных пыток – «расширенные методы дознания», вместо «уничтожить террористов» – «нейтрализовать террористов» и т.п.,

– технология «*создание опорного прецедента*» в истории, в настоящем или в мифическом будущем», когда подбирается нечто похожее в историческом развитии общества или придумывается какой-либо исторический факт, аналогия, или просто создается «вербальный миф» личности политику, фирме, продукту [12; 13; 14; 15; 16; 17; 20; 24; 25; 30],

– технология «*возведения идеи в Топ*»,

– технология «*экспертного мнения*»,

– технология «*мнения медийных персон и иных знаменитостей*»,

– технология «*составления всевозможных рейтингов популярности идеи / проблемы*» [11; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 30; 38; 39] в различных «информационных бюллетенях» или «протоколах действующей власти», по выражению Дж. Сёрла [34, с. 31]. Вполне очевидно, что технология «дискурсивного окна» или «окна дискурса» представляет собой *гипертехнологию* информационно-медийного воздействия, включая в себя

целый *комплекс* манипулятивных технологий неявного внедрения в массовое сознание и распространения в нем самых разнообразных идей в заданных пределах – от немыслимых до абсолютно неприемлемых и даже противоречивых. В этой связи было бы любопытно проследить возможное построение типологии или технологий, в которых возможно обнаружить соответствующую корреляцию между типами оценок и типами технологий с учетом эффективности такого соотношения.

Воздействие манипулятивного механизма «веерного сдвига» или смены дискурсивных «рамок допустимого» и «возможного» может быть интенсифицировано (расширено) или ослаблено (сужено), если при его проецировании в пределах создаваемой дискурсивной реальности на коммуникативную деятельность человека в соотношении «человек – сознание – язык» увязать этот механизм с типовыми фреймовыми конфигурациями смыслов, идей или мотивов в языковом сознании индивида, где смысл или мотив будут являть собой меметико-регулятивный аналог предлагаемой в «веерном сдвиге» идеи, различие в оценке и интерпретации которых и будет задавать индивидуальную специфику «туннеля реальности», где окажется человек, чтобы разместить в нем себя [29, с. 8-9]. Очевидно, что такой *туннель* будет представлять собой некий конкретный *знаковый* (вербальный) *коммуникативный конструкт*, соотносимый с индивидуальным ментальным пространством, мерности которого будут определять уровень целостности в восприятии мира таким человеком.

В качестве ступени (или одной из ступеней) такого уровня погруженности в рамках «туннельного знака-конструкта» можно рассматривать предложенное ранее *пошаговое дискурсивное взаимодействие* собеседников как их попытку (см. цепочки взаимодействия в типовых ФСП в [10] и градуированные ступени установок эмоциональной оценки в [11]) достичь указанного «*синтеза*» в определенном формате действий (вербальных коммуникативных практик как социально обусловленных действий) в определенной «фигуре, фигурности» (т.е. вербальной манифестации), где «*в пространстве* и *времени происходят синтезы многообразия чувственных элементов*…. И уж *после этого синтеза материал подается рассудку*» ([1, с. 16]; здесь и

выше курсив наш – А.Р., Л.Р. Ср. также сходные замечания Дж.Р. Сёрла о «форме-основании и гештальтной структуре сознательного опыта» и конституентах «единого поля сознания» в [34, с. 132-133]).

Вполне логично предположить, что на этой платформе может базироваться не только общий функциональный механизм «*окна дискурса*», но и, в частности, его манипулятивный (скрытый) механизм воздействия конкретной мерности «веерного сдвига» такого «окна», где оба механизма, по А. Белому [1, с. 18], «*одновременно*, т.е. синтезируя» в пространстве и во времени, *организуют* сознание человека в «*объеме оформленной чувственности*» и *воссоздают* в его сознании «образ природы, образ мира» и образ факта, представленного в дискурсивных практиках. И, как следствие, можно полагать, что привносимые манипулятивным механизмом «веерного сдвига» интенсивные изменения в оценках с использованием их «интенсивной глубины слов», по Бальтасару Грассиану, вводятся «режиссерами» в массовое сознание адресата с целью создания новой (иной, другой, сконструированной) картины мира в ментальном пространстве человека на основе массивного информирования (или при помощи «смысловой бомбардировки», по Ж. Бодрийару), которое, скорее, выполняет роль инструментария для последующих (пост-коммуникативных, результирующих) эффектов, в том числе и всевозможных изменений.

При этом необходимо обратить особое внимание на значимость «синтезированного многообразия чувственных элементов» и их роли в «объёме оформленной чувственности в организации сознания человека», по А. Белому [1, с. 18-19], которые («чувственные» или эмоциональные элементы), по словам Г.М. Маклюэна крайне влиятельны, значимы и важны в процессе восприятия мира: «Средства коммуникации, изменяя среду, вызывают в нас необычайные соотношения чувственных восприятий. Расширение любого чувства *изменяет* образ нашего мышления и деятельности – нашего восприятия мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди» [6, с. 342]. Кстати сказать, в ряде работ уже отмечалось, что «чувственные элементы» не только «влияют на изменение образа мышления и деятельности» человека, но и в определенной степени «формируют через вербальное выражение

эмоциональных установок его образ, манеру переживаний и поведения гораздо более очевидными, нежели чем прямое высказывание (т.е. прямо высказываемых или высказанных говорящим субъектом) утвердительных или отрицательных точек зрения», которые «выражаются (эксплицируются) на различных (в нашем случае – на семи) аффективных ступенях от «одобрения» («да – хорошо – интересно – безумно интересно – умилительно – торжественно – великолепно» до «неодобрения» («нет – неправильно – невозможно – не может быть и речи – исключено – никогда – ерунда / отвратительно» [11, с. 156-158; см. также: 18, 19].

Вырисовывается картина, которую обозначил А. Трайндл [37, с. 13, 17]: «Без эмоций нет правды…. Человек сознательно воспринимает только то, что вызывает у него эмоции, связанные с удовольствием или, наоборот, со страданием…. Эмоции – глобальны, разум – локален». Ему вторит Мануэль Кастельс, невольно поддерживая идею А. Белого об «объёме оформленной чувственности в организации сознания человека» [1, с. 18-19] и значительно расширяя её: «Эмоции распознаются мозгом как чувства. … Чувства возникают из эмоционально вызываемых изменений в мозгу, которые достигают уровня интенсивности, достаточного для того, чтобы возбудить процесс осознания. … Чувства, а следовательно, и эмоции, от которых они происходят, играют фундаментальную роль *в определении направленности* мыслительного процесса» [4, с. 65].

Опираясь на экспериментальные данные Антонио Дамазио, М. Кастельс уточняет: «При этом необходимо понимать, что чувство не является простой расшифровкой той или иной эмоции. Чувства возбуждают эмоции в мозгу в контексте памяти (т.е. чувства включают ассоциации с другими событиями, которые были либо непосредственно пережиты самим индивидом, либо переданы генетически или транслированы через культуру). Более того, эмоциональные паттерны берут свое начало из взаимодействия между характеристиками эмоционально значимых стимулов и особенностей когнитивной карты мозга конкретного индивидуума. … Образы в нашем мозгу вызываются объектами или событиями. Мы не производим события, а обрабатываем

их. …. Эмоции трансформируются в чувства только после завершения процесса самоопределения личности (сформированного Я). Только став известными сознающему Я, которое может идентифицировать чувства, чувства оказываются в состоянии управлять социальным поведением и, в конечном счете, влиять на принятие решений» [4, с. 165-166].

Отсюда реально полагать, что целенаправленно вызванная «веерным сдвигом» окна дискурса эмоция способна приводить «к сознательному восприятию» в положительном или отрицательном свете коммуникативные практики информационно-дискурсивного пространства. И уже по-новому звучат слова А. Белого: «Взгляд на мир … и цвет мира зависит от мысли» [1, с. 12-16], которому вторит классик фотоискусства из Франции начала XX в. Анри Кретьен – Брессон: «Факт сам по себе не интересен**,** *интересна точка зрения,* с которой автор *к нему* подходит» (курсив – А.Р, Л.Р.). Поэтому специфика вербальных манифестаций коммуникативных практик векторной направленности «сдвига» окна дискурса в рамках туннельного знака-конструкта заключается в том, что согласно основам вербального мифотворчества личности в определенной типовой (фреймовой) ситуации структура сознания такой личности способна повторять структуру «туннельной» дискурсивной реальности. И, больше того, сознание адресата как индивида также может структурироваться по тем же самым принципам, что и структурная (т.е. фреймовая) организация «туннельного» дискурсивного пространства [38; 39] .

Таким образом, вводя новую информацию посредством «веерного сдвига» дискурсивного окна, «режиссер-постановщик» такого дискурсивного (в том числе и манипулятивного) процесса имплантирует новые коммуникативные практики и смыслы в сложившуюся социально-политическую систему общества, каузируя в ней вызов неизбежного противоборства и даже, быть может, прямого конфликта между привычными (устоявшимися, закрепленными, принятыми) и новыми оценками, нормами, ценностями и формами поведения, нацеленными на внесение раскола в существующие в социуме отношения между структурами власти и гражданским обществом, понимаемым в обычном обиходном смысле, а не как политическая концепция, специально

разработанная для стран бывшего социалистического лагеря с целью «освобождения их от авторитарных режимов». Очевидно, что массированное закрепление «срежиссированных» (или точнее – «вирусных») коммуникативных практик на основе новых значений и смыслов «дискурсивного окна» способно результативно предлагать обществу иные (а чаще – нетрадиционные) источники оценок и их последующее осмысление с целью принятия обществом этих оценок, чтобы направить их на раскол и изменение (трансформирование, переформатирование) привычного уклада жизни и устоявшихся отношений.

Литература

1. *Белый А.* О смысле познания. Минск: Полифакт, 1991. 64 с.

2. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.

3. Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. М.: «Логос», 1999. 224 с.

4. Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. Н.М. Тышлевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

5. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 182 с.

6. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.

7. Пайк К. Американская интонация: парадигматика и синтагматика // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 8–24.

8. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Издательство: Ультра. Культура, 2003. 392 с.

9. Романов А.А. Фреймовая семантика в аспекте автоматической обработки текстов // Международный семинар по машинному переводу. Тез. докл. М.: Всесоюзный Центр Переводов ГКНТ СССР, 1983. С. 199–203.

10. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР; Калининский СХИ, 1988. 183 с.

11. Романов А.А. Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилия, 1995. 240 с.

12. Романов А.А. Вербальный конфликт в диалогической «игре» // HOMO LUDENS / Человек играющий: Язык, личность, социум / Отв. ред. проф. А.А. Романов. М. – Тверь: ИЯ РАН, ТГСХА, 1999. С. 12–25.

13. Романов А.А. Романов А.А. Имидж политика в зеркале собственных оценочных речевых действий // Проблемы имиджелогии: Материалы 1-ой международной конф. 8–9 февраля 2000 г., г. Кривой Рог (Украина). Кривой Рог, Киев: Европейский университет финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса. 2000а. С. 29–40.

14. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2002. 191 с.

15. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2004. С. 3–26.

16. Романов А.А. Политическая лингвистика в пространстве политической дискурсии // Наукові записки Луганського національного педагогічного уні-верситету. Збірник наукових праць. Вип.5. Т.1. Серія «Філологічні науки». Луганськ: «Альма-матер», 2004а. С. 192 – 213.

17. Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда / Language, Communication and Social Environment. Вып. 13. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015. С. 87–116.

18. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода //

Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 1–35. Режим доступа: http:// tverlingua.ru

19. Романов А.А. «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2017. С. 205–214.

20. Романов А.А., Малышева Е.В. Спин-докторинговая реализация «принципа каузальной последовательности» ментальных репрезентаций в структуре фреймовой конфигурации // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международн. научн. семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. Белгород: БелГУ, 2014. С. 158–164.

21. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. Москва-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2006. 144 с.

22. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Дискурсивные практики утешения как конструкты сферы «Я» утешаемого в жизненных сценариях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки «Акмеология образования». 2006. Т. 12. № 4. С. 96–99.

23. Романов А.А., Новоселова О.В. Медийный дискурс политической угрозы в свете коммуникативного конструктивизма // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 2. Материалы международн. научн. конф. (Майкоп, 27-29 октября 2013 г.). Майкоп: Адыгейск. гос. ун-т, 2013. С. 267–272.

24. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. М.: Лилия ЛТД; ТГСХА, 2000. 112 с.

25. Романов А.А., Романова Л.А. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 3. С. 1–16. Режим доступа: http:// tverlingua.ru

26. Романов А.А., Романова Л.А. Специфика внедрения «вирусной» информации в инфосферу // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Материалы Международн. научн. конф. Минск (Беларусь) 10-11 мая 2017 г. Минск: Минский гос. лингвист. ун-т, 2017. С. 83–85.

27. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике: сб. научн. трудов Международн. научно-практич. конф. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2015. С. 251–258.

28. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 1–31. Режим доступа: http://tverlingua.ru

29. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2013. 241 с.

30. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: Изд-во Герс, 1998. 205 с.

31. Романова Л.А. Принцип контрарности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Сер. «Акмеология образования». 2005. Т. 11. № 2. С. 36–43.

32. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2007. 120 с.

33. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2009. 180 с.

34. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. Пер с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

35. Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Пер. с англ. М.: АСТ; Астрель, 2007. 895 с.

36. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 445 с.

37. Трайндл А. Нейромаркетинг: Визуализация эмоций. Пер. с нем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 114 с.

38. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as "tunnel window" of media discursive reality // "Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries". The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 512–518.

39. Romanov A.A., Romanova L.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // XV International Conference "Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations", LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia // Procedia: Social and behavioral Sciences. 2015, Issue 206. P.71–75.

References

1. Belyj A. O smysle poznanija. Minsk: Polifakt, 1991. 64 s.

2. Debor G. Obshhestvo spektaklja. Per. s fr. M.: «Logos», 1999. 224 s.

3. Kastels M. Vlast kommunikacii. Per. s angl. N.M. Tyshlevich; pod nauch. red. A.I. Chernyh. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2016. 564 s.

4. Kelli Dzh. Psihologija lichnosti. Teorija lichnyh konstruktov. SPb.: Rech, 2000. 182 s.

5. Makljujen M. Sredstvo samo est soderzhanie // Informacionnoe obshhestvo. M.: OOO «Izdatelstvo AST», 2004. S. 341–349.

6. Pajk K. Amerikanskaja intonacija: paradigmatika i sintagmatika // Voprosy jazykoznanija. 1992. № 1. S. 8–24.

7. Rashkoff D. Mediavirus. Kak pop-kultura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie. M.: Izdatelstvo: Ultra. Kultura, 2003. 392 s.

8. Romanov A.A. Frejmovaja semantika v aspekte avtomaticheskoj obrabotki tekstov // Mezhdunarodnyj seminar po mashinnomu perevodu. Tez. dokl. M.: Vsesojuznyj Centr Perevodov GKNT SSSR, 1983. S. 199–203.

9. Romanov A.A. Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija. M.: IJa AN SSSR; Kalininskij SHI, 1988. 183 s.

10. Romanov A.A. Romanov A.A. Grammatika delovyh besed. Tver: Familija, 1995. 240 s.

11. Romanov A.A. Verbalnyj konflikt v dialogicheskoj «igre» // HOMO LUDENS / Chelovek igrajushhij: Jazyk, lichnost, socium / Otv. red. prof. A.A. Romanov. M. – Tver: IJa RAN, TGSHA, 1999. S. 12–25.

12. Romanov A.A. Romanov A.A. Imidzh politika v zerkale sobstven-nyh ocenochnyh rechevyh dejstvij // Problemy imidzhelogii: Materialy 1-oj mezhdunarodnoj konf. 8–9 fevralja 2000 g., g. Krivoj Rog (Ukraina). Krivoj Rog, Kiev: Evropejskij universitet finansov, informacionnyh sistem, menedzhmenta i biznesa. 2000a. S. 29–40.

13. Romanov A.A. Politicheskaja lingvistika: Funkcionalnyj podhod. Moskva – Tver: IJa RAN; TGSHA, 2002. 191 s.

14. Romanov A.A. Suggestivnaja model rechevogo obshhenija: Manipuljacija ili igra so smyslami? // Homo mendax / Chelovek lzhivyj. Mezhvuz. sb. nauchn. trudov. Otv. red. prof. A.A. Romanov. Moskva – Tver: IJa RAN; TGSHA, 2004. S. 3–26.

15. Romanov A.A. Politicheskaja lingvistika v prostranstve politicheskoj diskursii // Naukovi zapiski Luganskogo nacionalnogo pedagogichnogo universitetu. Zbirnik naukovih prac. Vip.5. T.1. Serija «Filologichni nauki». Lugansk: «Alma-mater», 2004a. S. 192 – 213.

16. Romanov A.A. Spin-doktoringovaja realizacija mentalnyh reprezentacij v Internet-kommunikacii // Jazyk, kommunikacija i socialnaja sreda / Language, Communication and Social Environment. Vyp. 13. Voronezh: Nauka-Junipress, 2015. S. 87–116.

17. Romanov A.A. «Okno diskursa» kak reguljativnyj mehanizm rasprostranenija i vnedrenija «virusnoj» informacii: dva podhoda // Mir

lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2016. № 4. S. 1–35. Rezhim dostupa: http:// tverlingua.ru

18. Romanov A.A. «Okno diskursa» kak tehnologija izmenenija predstavlenija o realnosti // Jazykovoj diskurs v socialnoj praktike: Mate-rialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Tver: Tversk. gos. un-t, 2017. S. 205–214.

19. Romanov A.A., Malysheva E.V. Spin-doktoringovaja realizacija «principa kauzalnoj posledovatelnosti» mentalnyh reprezentacij v strukture frejmovoj konfiguracii // Aktualnye problemy sovremennoj medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom. Mezhdunarodn. nauchn. seminar. Ch. I. Sb. nauch. rabot. Belgorod: BelGU, 2014. S. 158–164.

20. Romanov A.A., Nemec N.G. Diskurs uteshenija: Lingvopsihologicheskij analiz. Moskva-Tver: IJa RAN; Tverskaja GSHA, 2006. 144 s.

21. Romanov A.A., Nemec N.G., Romanova L.A. Diskursivnye praktiki uteshenija kak konstrukty sfery «Ja» uteshaemogo v zhiznennyh scenarijah // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Ser. Psihologicheskie nauki «Akmeologija obrazovanija». 2006. T. 12. № 4. S. 96–99.

22. Romanov A.A., Novoselova O.V. Medijnyj diskurs politicheskoj ugrozy v svete kommunikativnogo konstruktivizma // Kross-kulturnoe prostranstvo literaturnoj i massovoj kommunikacii – 2. Materialy mezhdunarodn. nauchn. konf. (Majkop, 27-29 oktjabrja 2013 g.). Majkop: Adygejsk. gos. un-t, 2013. S. 267–272.

23. Romanov A.A., Romanova E.G., Voevodkin N.Ju. Imja sobstvennoe v politike: Jazyk vlasti i vlast jazyka. M.: Lilija LTD; TGSHA, 2000. 112 s.

24. Romanov A.A., Romanova L.A. Memeticheskij mehanizm konstruirovanija media-smyslov informacionnogo protivostojanija // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2015. № 3. S. 1–16. Rezhim dostupa: http:// tverlingua.ru

25. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as ‘‘tunnel window’’ of media discursive reality // ‘‘Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries’’. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017). Papers and

Commentaries. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 512–518.

26. Romanov A.A., Romanova L.A. Specifika vnedrenija «virusnoj» informacii v infosferu // Jeksplicitnoe i implicitnoe v jazyke i rechi. Materialy Mezhdunarodn. nauchn. konf. Minsk (Belarus) 10-11 maja 2017 g. Minsk: Minskij gos. lingvist. un-t, 2017. S. 83–85.

27. Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. Narrativnyj metod spin-doktoringovoj kommunikacii so slotami frejmov // Jazykovoj diskurs v socialnoj praktike: sb. nauchn. trudov Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konf. Tver: Tversk. gos. un-t, 2015. S. 251–258.

28. Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. Frejmovaja matrica spin-doktoringovogo konstruirovanija smyslov v sisteme publichnyh kommunikacij // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2015. № 2. S. 1–31. Rezhim dostupa: http://tverlingua.ru

29. Romanov A.A., Romanova L.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // XV International Conference “Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations”, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia // Procedia: Social and behavioral Sciences. 2015, Issue 206. P.71–75.

30. Romanov A.A., Romanova L.A., Fedoseeva E.G. Performativnye ritualnye akty sakralnoj kommunikacii. Moskva – Tver: IJa RAN; TGSHA, 2013. 241 s.

31. Romanov A.A., Cherepanova I.Ju. Jazykovaja suggestija v predvybornoj kommunikacii. Tver: Izd-vo Gers, 1998. 205 s.

32. Romanova L.A. Princip kontrarnosti v kognitivnyh praktikah strukturirovanija mira veshhej // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova. Nauchno-metodicheskij zhurnal. Ser. «Akmeologija obrazovanija». 2005. T. 11. № 2. S. 36–43.

33. Romanova L.A. Konstruktivnaja semantika kriptoklassa anglijskih prilagatelnyh razmera v diahronii i sinhronii. Moskva – Tver: IJa RAN; TGSHA, 2007. 120 s.

34. Romanova L.A. Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnyh performativov v funkcionalnoj paradigme jazyka. Moskva – Tver: IJa RAN; TGSHA, 2009. 180 s.

35. Sjorl Dzh. Otkryvaja soznanie zanovo. Per s angl. A.F. Grjaznova. M.: Ideja-Press, 2002. 256 s.

36. Sol Dzh.R. Ubljudki Voltera. Diktatura razuma na Zapade / Per. s angl. M.: AST; Astrel, 2007. 895 s.

37. Toffler Je. Tretja volna. M.: OOO «Firma «Izdatelstvo AST», 2004. 445 s.

38. Trajndl A. Nejromarketing: Vizualizacija jemocij. Per. s nem. M.: Alpina Biznes Buks, 2007. 114 s.

39. Vygotskij L.S. Instrumentalnyj metod v psihologii // Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6-ti tomah. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii / Pod red. A.R. Lurija, M.G. Jaroshevskogo. M.: Pedagogika, 1982. S. 103–108.

Об авторах

Тарасов Евгений Федорович
доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН РФ, автор теории языкового сознания, лидер Московской психолингвистической научной школы

Мыскин Сергей Владимирович
доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета, автор и основатель научной школы «Организационная психолингвистика»

Рябова Марина Эдуардовна
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета, автор методологии исследования динамики значимых социокультурных процессов современного общества, разработчик авторской концепции социальной философии

Журавлев Игнатий Владимирович
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН РФ, автор более 100 научных работ по общей психологии и психолингвистике, включая ряд монографий и научных переводов

Романов Алексей Аркадьевич
доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, автор более 500 научных работ, включая монографии, учебники и учебные пособия, основатель научной школы «Регулятивная модель динамической коммуникации»

Романова Лариса Алексеевна
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии

Анонсы

Агентство социально-гуманитарных технологий
при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт языкознания Российской академии наук»
16 ноября 2018 г.
проводят I Международную научно-практическую конференцию
«ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Основная проблематика:

- теория деятельности как методология организационной психолингвистики;
- речевое воздействие в профессиональных группах;
- организационная психология и организационная психолингвистика;
- функционирование сознания в трудовых коллективах;
- гипертекстуальность профессионального общения и профессиональные прецедентные тексты;
- речевые смыслы в профессиональной речевой деятельности.

Условия участия в конференции

До **21 сентября 2018 г.** в оргкомитет необходимо предоставить заявку на участие в конференции (см. приложение) и материалы для публикации (тезисы) по адресу orgpsyling@yandex.ru;

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Петров_заявка, Петров_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию «Петров».

ВНИМАНИЕ! Тезисы будут опубликованы только после подтверждения о принятии тезисов к публикации.

Тел. для справок: +7(925) 46-555–81.

Сборник материалов планируется издать к началу конференции. **Рассылка печатной версии сборника не предусматривается: заочные участники получают pdf-версию по электронной почте после проведения конференции.**

Требования к оформлению тезисов

- объем — 2 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1,25, межстрочный интервал — 1,5;
- на первой строке — название тезисов (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на четвертой строке — название организации, которую представляет автор (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на пятой строке — адрес электронной почты (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на шестой строке — текст тезисов;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- значение языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется ‘английскими’ кавычками: *joviality* ‘веселье’;
- оригинальные варианты терминов на иностранных языках указываются в скобках: специфика функций (role specificity), немецкий литературный язык (Hockdeutsch);
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов, 1989, с. 215], [Иванов, 1989, с. 215; Петров, 2009, с. 105], [Там же. С. 215];
- просьба различать тире (—) и дефис (-).

Образец оформления тезисов

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

(пропуск строки)

В. И. Петров (Москва)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
petrov@mail.ru

(пропуск строки)

Текст тезисов.

Информация для авторов

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

- 10.00.00 Филологические науки
- 19.00.00 Психологические науки

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@sh-technology.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков,

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт http://www.translit.ru);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ «(оригинальность текста не мене 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст стати и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только

один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, […] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — *И.И.*).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (*если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания*). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (*если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы*). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (*если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы*). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (е*сли книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой*).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100.

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlsx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007

диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуются рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименовании организации
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)
- при наличии идентификатор ORCID (подробнее тут: http://orcid.org/), eLibrary SPIN-код (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация

1) **Информация о конфликте интересов**. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научный работы.

2) Необходимо указать источники финансирования научной работы.

3) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.

4) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ! Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях.
- Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов.

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2
С.В. Мыскин
док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru
С.Г. Харламова
канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

Специфика организации профориентации и профессиональной адаптации лиц с выраженными психофизическими нарушениями в условиях образовательной организации

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

Specificity of the organization of vocational guidance and professional adaptation of persons with severe psychophysical disorders in the conditions of the educational organization

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к ограничению их социальных контактов, замкнутости семьи, обострению внутрисемейных конфликтов /.../

Литература

1. *Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б.* Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-16

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издательство ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».
Тираж 500 экз.
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (925) 465-55-81.
www.sh-technology.ru